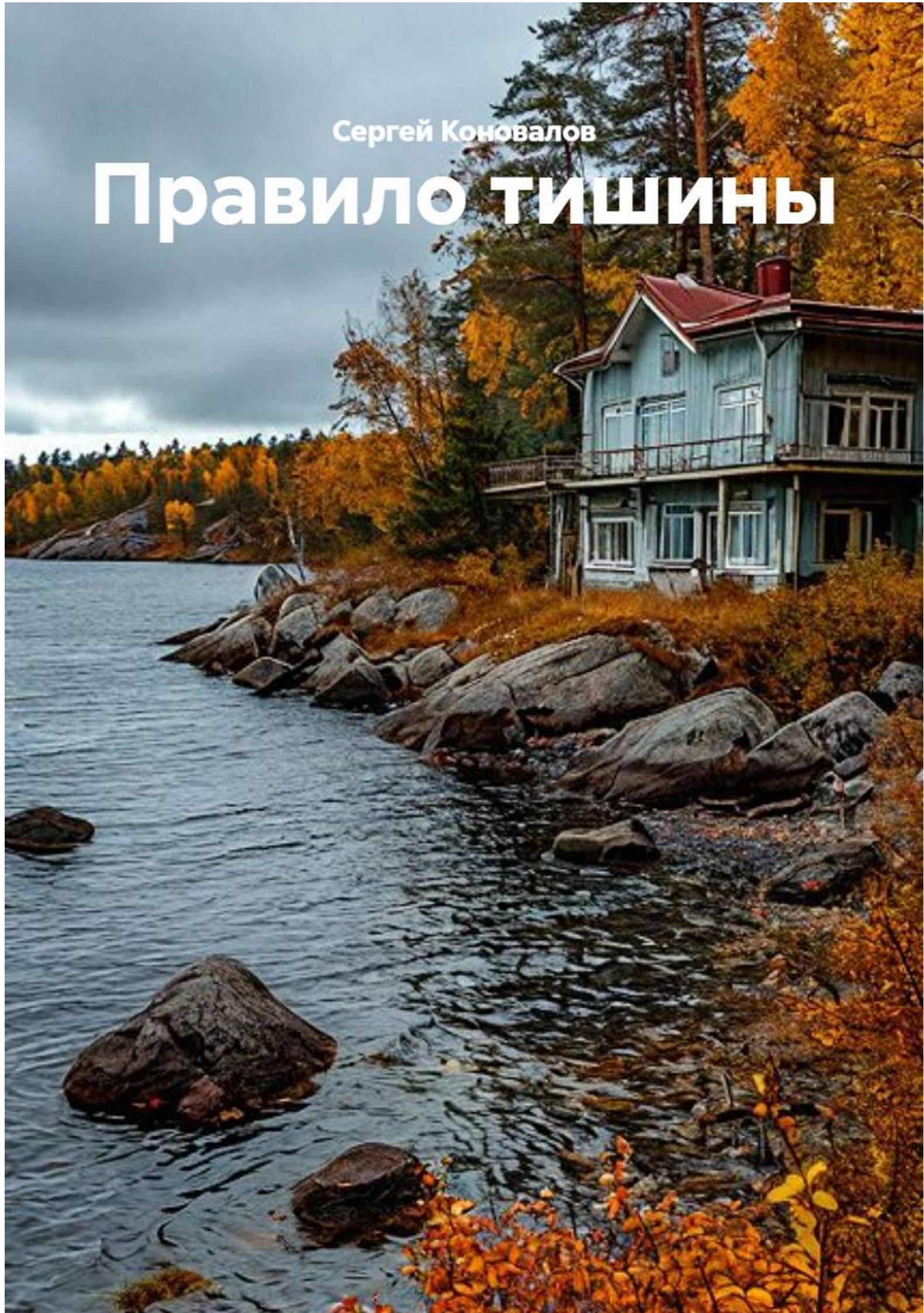

Сергей Коновалов

Правило тишины

Сергей Коновалов

Правило тишины

«Автор»

2026

Коновалов С.

Правило тишины / С. Коновалов — «Автор», 2026

Четыре дня без телефонов на острове посреди Ладоги — так это и продавалось. Бывший санаторий «Заря», ноябрь, одиннадцать человек и правило тишины с десяти вечера до десяти утра. В субботу утром один из гостей не спускается к завтраку. На тумбочке рядом с ним лежит записка — адресованная другому человеку. К вечеру приходит шторм. Катер не выйдет, спутниковый телефон разбит, генератор мёртв. Полиция будет во вторник. До вторника выжившим придётся разбираться самим: без следователя, без связи и без права ошибиться — потому что убийца сидит с ними за одним столом и мёрзнет так же, как они. Все улики лежат на виду с первых глав. Разгадку можно вычислить раньше, чем её произнесут вслух.

© Коновалов С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пристань	6
Регистрация	9
Правила	14
Ужин	18
Сеанс	23
Ночь первая	28
Тишина	32
Девять двадцать	36
Врач	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Коновалов

Правило тишины

ПРАВИЛО ТИШИНЫ

детективный роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Правило тишины

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Пристань

Причал был бетонный, с проржавевшими скобами по краю, и вода под ним ходила так, будто внизу кто-то дышал.

Юля стояла у самой воды, потому что там было меньше людей. Ветер шёл с озера ровно, без порывов, и от него слезились глаза — это было удобно. Можно было стоять и вытирать лицо, и никто ничего не спрашивал.

За её спиной, у микроавтобуса, шла обычная суeta: восемь человек, которые ещё не решили, знакомы ли они друг с другом.

— Тут вообще ничего не ловит, — сказал молодой мужчина в оранжевой куртке. Он держал телефон над головой, как будто высота могла помочь. — Ноль. Совсем ноль. Мы ещё даже не приехали.

— Мачта на том берегу, — отозвался парень в рабочем комбинезоне, вытаскивая из багажника чемоданы. — Оттуда бьёт. С озера иногда цепляет.

— Иногда — это сколько?

— Как повезёт.

Парень поставил чемодан на бетон, не глядя. Ему было года двадцать четыре, лицо обветренное, руки в мазуте, и он делал всё как человек, который делал это триста раз.

— Лёша, — сказал он в воздух, ни к кому конкретно. — Если что-то тяжёлое — не тащите сами, я отнесу.

Никто не ответил. Юля отметила это, как отмечала всё последние два года: кто отвечает, кто нет, кто как стоит.

Марк Валерьевич стоял в середине, и все остальные стояли вокруг него, даже те, кто не знал, кто он такой. Так было всегда. Он был в чёрном пальто до колена, без шапки, и ветер трепал его седые виски красиво — Юля знала, что он это знает.

— Юлия! — позвал он. — Где папка?

— В синей сумке, Марк Валерьевич. Наверху.

— Она мне не нужна.

— Хорошо.

— Я просто хотел знать, где она.

— Наверху, в синей сумке.

Он кивнул и отвернулся. Это была его манера: спросить, чтобы убедиться, что ты на месте. Проверка связи.

Рядом с ним, чуть в стороне, стояла его жена. Алиса Гурьева была в светлом, не по погоде, и держала руки в карманах так, будто они там были связаны. Юля видела её раз двадцать за два года и до сих пор не слышала, чтобы та говорила больше трёх фраз подряд.

Женщина в оранжевой куртке — нет, мужчина, Юля перепутала, это был тот же самый в оранжевом — подошёл к воде и стал снимать озеро на маленькую камеру.

— Дрозд, — сказал он Юле, не опуская камеру. — Костя. Дрозд — это фамилия, между прочим, не кличка, все думают, что кличка.

— Юля.

— Юля, скажи что-нибудь на камеру. Про то, как ты боишься остаться без интернета на четыре дня.

— Я не боюсь.

— Вот это плохо. — Он опустил камеру и посмотрел на неё с искренним огорчением. — Совсем никакого конфликта. Ладно.

Он пошёл дальше вдоль причала, снимая скобы, воду, чемоданы.

Юля посмотрела на озеро.

Она читала про ноябрьскую Ладогу и знала, что вода тут не бывает синей, но всё равно не была готова к этому цвету. Он был не серый. Он был как оцинкованное ведро, и волна шла плоская, широкая, без пены, и уходила куда-то за край мира, потому что другого берега не было видно совсем.

Двенадцать лет она представляла себе эту воду.

— Простите, — сказал голос сбоку. — Вы не знаете, тут есть где сесть?

Пожилая женщина в вязаной шапке и хорошем старом пальто. У ног — клетчатый чемодан на колёсиках, из тех, что покупают один раз в жизни.

— Кажется, нет.

— Значит, будем стоять. — Женщина посмотрела на воду с полным одобрением. — Лидия Карловна. Я вообще-то учительница, но уже одиннадцать лет никого не учу, так что можно не бояться.

— Юля.

— Вы здесь по работе или по душе?

Юля подумала.

— По работе.

— А я четыре года копила, — сказала Лидия Карловна без всякого смущения. — Прочитала про это место в журнале в поликлинике. Четыре дня без телефона на острове. Мне это показалось очень смешным и очень дорогим, и я решила, что должна.

Она сказала «должна» так, как говорят про долг перед кем-то другим.

За их спинами хлопнула дверь микроавтобуса. Юля обернулась и увидела, что вышли последние двое.

Первая — женщина лет сорока с небольшим, в мужской куртке, с короткой стрижкой; она сразу закурила, прикрывая огонёк рукой, и её движения были быстрые, как у человека, который всё время куда-то опаздывает. Юля знала её имя из списка: Соболев, Евгений. В графе «цель приезда» у неё стояло «отдых», и Юля, которая составляла этот список, отметила про себя, что журналисты обычно так и пишут.

Второй вышел молча.

Мужчина лет тридцати пяти, тёмная короткая куртка, аккуратный, невысокий. Он не стал доставать телефон, не стал смотреть на воду, не подошёл к группе. Он сделал три шага в сторону, встал у скобы и посмотрел куда-то мимо озера, себе под ноги.

Юля посмотрела в свой список по памяти. Асланов Тимур Рустамович, анестезиолог, тридцать шесть. Цель приезда — «сон».

Она подумала, что это единственная честная запись из восьми.

— Дамы и господа! — Марк Валерьевич хлопнул в ладоши, и все повернулись, даже те, кто не хотел. — Катер. Сорок минут по воде. На той стороне нас лишат телефонов, кофеина и права разговаривать после десяти вечера. Кто хочет обратно — сейчас.

— Я хочу, — сказал Костя Дрозд.

— Прекрасно. Никто не хочет.

Катер оказался старый, с деревянной рубкой и свежей белой краской поверх всех прошлых слоёв. На борту читалось «ЗАРЯ-2». Лёша прыгнул внутрь, не держась, и стал принимать чемоданы.

Юля садилась последней из гостей. Она положила руку на мокрый борт, и на секунду ей стало так страшно, что она чуть не отёрнула руку.

Потом она села.

Ход был тяжёлый. Катер шёл против волны, и каждый раз, когда нос падал, по палубе прокатывалась вода и уходила через шпигаты. Костя Дрозд стоял на носу, пока Лёша не сказал ему сесть; тот сел и сразу начал снимать оттуда.

Внутри рубки было теснее, чем казалось. Женя Соболев села напротив Марка Валерьевича и разглядывала его открыто, без интереса, как разглядывают афишу. Алиса сидела рядом с мужем и смотрела в стекло, по которому текло. Лидия Карловна держала свой чемодан за ручку, как собаку на поводке.

Тимур Асланов сидел у самого выхода, спиной к движению.

Юля заметила это только на середине пути. Все сидели лицом к острову, потому что туда все и ехали. Он сидел наоборот и смотрел на след за кормой, на пенную дорогу, которая расходилась и пропадала.

— Вам не укачивает так? — спросила Лидия Карловна.

— Нет, — сказал он.

— Говорят, надо смотреть вперёд.

— Говорят.

Он улыбнулся ей вежливо и коротко и больше ничего не сказал.

Остров возник не сразу и не оттуда, откуда Юля ждала. Сначала это была просто более плотная мгла слева, потом в мгле проступила чёрная гребёнка сосен, потом — камни. Валуны лежали вдоль северного берега длинной грядой, серые, гладкие, размером с автомобиль, и волна разбивалась о них без всякого усилия.

Юля смотрела на камни, пока они не ушли за корму.

Она не знала, какой из них тот. В деле было написано «в районе каменной гряды», и это всё, что там было написано.

— Ух ты, — сказал Костя. — Вот это декорация.

Катер повернул, и открылась бухта.

Корпус стоял на невысоком скальном лбу, метрах в тридцати от воды: два этажа, жёлтый, с белыми колоннами и с фронтоном, как у сельского дома культуры. Перед ним — бетонная лестница, вазоны без цветов, флагшток без флага. Слева у воды — деревянный эллинг, справа на отшибе — кирпичная водонапорная башня и низкое здание с трубой. Позади всего — сосны, и всё это было облито мокрым ноябрьским светом, от которого жёлтый казался серым.

На фронтоне были буквы. Новые, металлические, отдельно поставленные: ****ТИШИНА****.

И под ними, чуть выше и левее, там, где старую надпись сбили и закрасили, в косом свете проступали тени других букв. Их было четыре.

— «Заря», — прочитала Лидия Карловна. — Смотрите, как интересно. Не сумели вывести.

— Санаторий тут был, — сказал Лёша от штурвала. — Потом лагерь детский. Потом закрыли.

— Давно закрыли?

— В пятнадцатом.

Юля почувствовала, что на неё смотрят, и повернула голову.

Тимур Асланов сидел спиной к движению и, значит, лицом к ней; и он смотрел не на неё, а поверх её плеча, в стекло, на жёлтый корпус с колоннами. Лицо у него было совершенно спокойное. Ровно такое же, как на причале.

Потом он опустил глаза и стал застёгивать куртку, хотя они уже почти пришли.

Катер стукнул бортом о шину, привязанную к сваям. Лёша спрыгнул на настил с концом в руке.

— Приехали, — сказал он. — Осторожно, доска вторая шатается.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Регистрация

В холле пахло краской и холодным камнем.

Женя остановилась у дверей и за первые полминуты разложила помещение по частям, как раскладывала любое новое помещение. Потолок высокий, метров пять. По карнизу — лепнина: виноградные листья и какие-то ленты, покрашенные белым столько раз, что виноград оплыл и стал похож на мыло. Пол — плитка в шашку, местами новая, светлее старой. На левой стене светлый прямоугольник, метра два на полтора. Там что-то висело двадцать лет, и это что-то было большое.

Ремонт кончился примерно на середине. В углах свежая краска не сходилась со старой, а внизу, под новым слоем, шла ровная горизонтальная линия — след масляной панели, какие красят в больницах и школах на высоту детской руки.

Холод здесь был не воздушный, а каменный. Он шёл от плитки через подошвы.

— Куртки можно не снимать, — сказала женщина за стойкой. — Топим с шести.

Стойка администратора стояла справа от лестницы: тёмная, полированная, старая, с новой лампой на струбине. Над стойкой висели часы — круглые, белые, с чёрными стрелками, из тех, что вешают в коридорах учреждений. Они показывали шестнадцать сорок две и тикали так, что было слышно от входа.

Женщине за стойкой было около шестидесяти. Серая жилетка поверх водолазки, прямая спина, руки всё время чем-то заняты.

— Нина Сергеевна, — сказала она. — Администратор. Подходим по одному. Торопиться некуда, обратно всё равно только в понедельник.

На стойке перед ней лежали: коробка из-под бумаги для принтера, стопка плотных коричневых конвертов, флакон с поролоновой пробкой и толстый журнал в клеёночной обложке. Конверты были без окон, и на каждом стоял номер, написанный маркером: от одного до десяти.

Порядок был такой. Гость подходил и называл фамилию. Нина Сергеевна находила его в журнале, брала конверт с нужным номером и ставила его на стойку углом к гостю. Гость сам выключал телефон и сам опускал его внутрь. Нина Сергеевна проводила по клапану мокрым порошком и прижимала ладонью — коротко, сильно, как штампом. Потом поворачивала конверт и подавала ручку.

— Подпись поперёк склейки, — говорила она каждому. — И в журнале, в третьей графе. Женя видела, как это делают с бюллетенями на участках. Там тоже подписывают поперёк.

Первой пошла Лидия Карловна. Она достала телефон в чехле из искусственной кожи, с потёртым по краю стеклом, и посмотрела на него с сожалением.

— Он старый, — сказала она. — Ему всё равно.

— Всем всё равно, — сказала Нина Сергеевна.

— Нет, — сказала Лидия Карловна. — Не всем.

Она нажала кнопку, подождала, пока экран погаснет, и опустила телефон в конверт номер семь так осторожно, будто он мог разбиться от падения на сантиметр.

Гурьев сдал два.

— Вот, — сказал он громко, чтобы услышали все, кто был в холле. — Оба. Рабочий и человеческий. Проверьте карманы, если хотите, я не обижусь.

— Не хочу, — сказала Нина Сергеевна. — Оба в один конверт.

Алиса Гурьева подошла после мужа, положила телефон, подписала и ушла к окну, не сказав ничего. Юлия Пивоварова сдала свой и сразу достала из сумки блокнот и карандаш, как человек, который меняет один инструмент на другой. Женя это отметила.

Потом подошла Женя.

— Соболев, — сказала она. — Евгения Павловна.

Телефон был выключен ещё на катере. Она положила его в конверт номер три, провела языком по нижней губе, потому что курить хотелось четвёртый час, и подписалась поперёк склейки.

— Цель приезда — «отдых», — прочитала Нина Сергеевна по журналу.

— Отдых.

— Хорошее место для отдыха. Тихое.

— Мне говорили.

— Нина Сергеевна, — сказала Лидия Карловна из-за её плеча, — простите, а что там висело?

Она показала на светлый прямоугольник на левой стене.

— Доска, — сказала Нина Сергеевна, не поворачиваясь и не поднимая головы от журнала. — Расписание отрядов. Кто в столовую, кто на линейку, кто в медпункт.

— Вы и при лагере тут были?

— И при санатории, и при лагере. Потом закрыли, потом открыли.

— И вы всё это время?

— Я тут с восьмого года, — сказала Нина Сергеевна. — С перерывом.

Она перевернула страницу и придавила её ладонью, потому что бумага в клеёнчатом журнале не хотела лежать.

Телефон ей был не нужен. Диктофон лежал в подкладке сумки, во внутреннем шве, который она распустила и зашила заново ещё в городе. Он был размером с зажигалку, чёрный, без единой светящейся точки. На свежих батарейках и на новой карте он писал двадцать два часа подряд, если его не трогать, и Женя его не трогала с середины пути.

Она застегнула сумку и отошла к колонне, откуда были видны и стойка, и входная дверь.

Гурьев работал холл. Другого слова у Жени не было. Он обошёл всех за четыре минуты и каждому сказал по две фразы, и после этих двух фраз каждый выпрямлялся. Лидии Карловне он сказал что-то про её чемодан, и она засмеялась и стала рассказывать, где его купила. Дарье, которая шла с кухни с пустым подносом, он сказал: «Кормить-то будете?» — и Дарья кивнула и пошла быстрее. Лёше он сказал: «Тяжёлое — синий, там книги», и Лёша молча взял синий. Юле он не сказал ничего, потому что Юля была на месте.

Жене он тоже ничего не сказал, и это было первое, что ей в нём понравилось.

Скандал начался на Дрозде.

— Так, — сказал он, подходя к стойке и не вынимая рук из карманов. — Давайте по-человечески. Один день. Я сдаю его завтра утром, в любое время, вы сами придёте и заберёте.

— Конверт номер восемь, — сказала Нина Сергеевна.

— Нина Сергеевна. Родная. У меня два миллиона человек, которые в эту секунду думают, что я утонул.

— Значит, обрадуются в понедельник.

— У меня контракт.

— У вас договор, — сказала Нина Сергеевна. — Пункт четыре.

Вера Аркадьевна спустилась по лестнице в этот момент — Женя решила, что не случайно, что она стояла где-то на площадке и слушала. Она подошла не близко, метра на три, и остановилась так, чтобы всем было видно её лицо.

— Константин, — сказала она мягко, — вы приехали за этим ощущением. Оно уже началось. Побудьте в нём.

— Я в нём и так по горло.

— Тогда ещё немного глубже.

Костя посмотрел на неё, потом на часы над стойкой, потом на всех остальных, как смотрят на камеру, когда ищут ракурс. Потом он вынул телефон, поднял его над головой на вытянутой руке, поцеловал в экран и опустил в конверт номер восемь.

— Прощай, друг, — сказал он. — Папа вернётся в понедельник.

— Подпись поперёк склейки, — сказала Нина Сергеевна.

Он подписался с росчерком на пол-конверта. Женя ждала, что он будет дуться хотя бы до ужина: она видела, как люди отдают телефоны, и знала эту фазу. Он не дулся. Он тут же отошёл к Лидии Карловне и стал спрашивать, что она преподавала.

Дарья Мороз вышла из кухни с подносом, на котором стояли стаканы с водой, поставила поднос на подоконник, не поднимая глаз, и ушла обратно. Никто не взял.

— Хорошо, — сказала Вера Аркадьевна. — Нас должно быть восемь.

Она посчитала. Женя посчитала вместе с ней, потому что считала всегда. Гурьев у колонны, руки за спиной. Алиса у окна. Костя и Лидия Карловна у лестницы. Юлия с блокнотом. Она сама. Вера — семь. Нина Сергеевна за стойкой и Лёша Пятков, который в этот момент занёс два чемодана и поставил их у первой ступени.

— Семь, — сказала Вера Аркадьевна.

— Асланов, — сказала Нина Сергеевна, не поднимая головы от журнала. — Курит.

— Где?

— У эллинга. Там от ветра затишок.

— Пусть покурит, — сказал Гурьев. — Врачам можно.

— В доме не курят, — сказала Нина Сергеевна. — Ни врачам, ни остальным. Пепельница на камне у эллинга, вторая за баней.

Она закрыла флакон, отодвинула конверты в коробку и развернула журнал к себе.

— Читаю номера, — сказала она. — Второй этаж, все по одной стороне, окна на озеро. Первый — Наумова. Второй — Асланов. Третий — Соболев. Четвёртый — Гурьева. Пятый — Пивоварова. Шестой — Гурьев. Седьмой — Штейн. Восьмой — Дрозд.

Женя отметила, что Гурьевых записали в разные номера, и что в журнале это стояло с самого начала, не карандашом, а той же ручкой, что и всё остальное.

— Шестой, — сказал Гурьев. — Нет.

Нина Сергеевна подняла голову.

— Что «нет»?

— Шестой не пойдёт. Я поднимался, пока вы тут раскладывали конверты. Под шестым что-то гудит.

— Генераторная, — сказал Лёша от лестницы. Он выпрямился и вытер руки о комбинезон. — Она аккуратно под шестым. На ночь я перевожу на малые обороты, но слышно. Стена общая.

— Всю ночь?

— Всю. Тише, но всю.

— Значит, нет, — сказал Гурьев. — Дайте другой.

— Других нет, — сказала Нина Сергеевна.

— У вас десять номеров.

— У меня восемь номеров и два помещения. В девятом и десятом не подключены радиаторы, там сырость и с потолка сыплется. Я вас туда не поселю, даже если вы попросите.

— Марк Валерьевич, — сказала Вера Аркадьевна, — иногда то, что нам мешает спать, и есть то, ради чего мы приехали.

— Вера Аркадьевна, — сказал Гурьев, — я платил не за гул.

Стало тихо ровно настолько, чтобы слышать часы.

Женя стояла у второй колонны и смотрела не на Гурьева, а на остальных. Алиса не повернулась от окна. Юлия открыла блокнот. Лидия Карловна держалась за ручку своего клетчатого чемодана.

— Я поменяюсь, — сказал Костя Дрозд.

Все посмотрели на него.

— Мне вообще всё равно, — сказал он. — Я под мотоблоком сплю. Мне шестой подходит.

— Вы не проснётесь, — сказала Нина Сергеевна.

— Я и не собираюсь.

— Восьмой в другом конце коридора, — сказала она. — Ближе к служебной лестнице. Там дверь хлопает, если не придержать.

— Значит, я буду придерживать.

Гурьев засмеялся и хлопнул Костю по плечу — так, как хлопают тех, кому потом не звонят.

— Вот, — сказал он. — Вот это я называю программой. Три минуты, и всё решилось.

Нина Сергеевна достала из кармана жилетки карандаш. Она зачеркнула в шестой строке «Гурьев» и надписала сверху «Дрозд», потом в восьмой зачеркнула «Дрозд» и надписала «Гурьев». Карандаш был короткий, заточенный ножом. Она подула на строку, хотя дуть было не на что.

Юля Пивоварова тоже что-то записала в свой блокнот и подчеркнула.

Женя за пятнадцать лет видела много таких сцен и знала их устройство. Человек вроде Гурьева никогда не требует прямо: он ставит перед всеми задачу, которую нельзя не решить, и ждёт, кто решит. Решает всегда не тот, кто больше всех должен, а тот, кому это ничего не стоит. Потом решивший получает хлопок по плечу и остаётся в выигрыше на две минуты.

— Ещё вопросы по расселению? — спросила Нина Сергеевна.

Вопросов не было. Люди уже смотрели на лестницу и думали про свои чемоданы.

— Ключи те же, — сказала она. — Ключ от номера один, он и от всех. Замки старые, я их не меняла.

— То есть моим ключом открывается любая дверь? — спросил Костя.

— Любая на втором этаже. Это не гостиница, это санаторий пятьдесят четвёртого года. Захотите запереться — запирайте, но не надейтесь.

— Прекрасно, — сказал Гурьев. — Полная прозрачность.

— Ужин в семь, — сказала Нина Сергеевна в потолок. — В шесть Вера Аркадьевна собирает всех в гостиной. Гостиная — это дверь налево от лестницы, где камин. Кто хочет горячей воды раньше семи — не будет, бойлер на разогреве.

Лёша взял чемодан Лидии Карловны и её сумку и пошёл наверх первым. Костя пошёл за ним, спрашивая на ходу, какая тут глубина у эллинга. Гурьев ушёл в столовую, потому что там кто-то поставил на стол воду. Алиса отошла от окна и стала подниматься, держась за перила обеими руками, как поднимаются люди с больными коленями.

Нина Сергеевна сложила конверты в коробку. Их было восемь, они стояли на ребре плотно, как книги, и на каждом сверху виднелась подпись поперёк склейки. Она взяла коробку двумя руками, взяла журнал под мышку и пошла в кабинет за стойкой.

Дверь она оставила приоткрытой. Женя видела оттуда стол, настольную лампу, серый металлический ящик у стены и часть чего-то, накрытого чехлом.

Сейф щёлкнул дважды: один раз, когда закрылась дверца, второй, когда провернулась ручка.

Нина Сергеевна вышла, заперла кабинет и опустила ключ в карман жилетки, к карандашу.

— А во сколько выключают свет? — спросил Костя с верхней площадки.

— Свет не выключают, — сказала она. — В одиннадцать генератор переходит на ночной ход. В номерах света не будет.

— А в коридоре?

— В коридоре будет.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Правила

В камине горело плохо.

Дрова были не сырые, а отсыревшие — разница есть, и Алиса её знала по даче, где сорок лет никто не следил за поленницей. Такие дрова сначала шипят, потом чернеют с одного бока, потом начинают гореть с середины и дают много дыма и мало тепла. Лёша принёс газету, скрутил из неё жгут, сунул под решётку, и стало веселее, но тянуть камин всё равно тянул плохо: при каждом порыве ветра снаружи дым выходил в комнату и стелился на уровне колен.

Гостиная была собрана из разных комнат. Два кресла с деревянными подлокотниками, обитые серым, — новые. Диван у стены — старый, с провалом справа. Ещё три кресла глубокие, продавленные, разной высоты. Стол у окна, накрытый вязаной салфеткой. В углу пианино с закрытой крышкой, и на крышке — стеклянная ваза без воды и без цветов. Ковёр большой, с прожжённым пятном у самого камина, размером с ладонь.

Окна были чёрные с половины пятого. Одно стекло заклеено по кромке скотчем.

Алиса села в самое дальнее кресло, третье от камина, спиной к пианино. Оттуда она видела всех и никому не мешала. Двадцать лет её ставили во второй линии слева, и она до сих пор автоматически находила в любом помещении место, где её взгляд доставал до каждого, а чужой взгляд соскальзывал.

Марк сел ближе к огню, в новое кресло. Не рядом с ней. Двадцать лет назад она бы посчитала, где он сел и почему. Теперь она просто отметила это, как отмечают температуру воды рукой, не собираясь входить.

В левом кармане кардигана лежал пенал на семь дней, семь отделений с щёлкающими крышками. Вечерние — три: две круглые и одна половинка. Половинку она разламывала сама, в первый день недели, на все семь дней сразу, чтобы не заниматься этим по вечерам на глазах у людей. Она нащупала отделение с сегодняшним днём и не стала открывать. Их надо было принять после ужина. Ужин в семь. Значит, около девяти.

Часов в кармане у неё не было. Часы она сняла в поезде и оставила в чемодане, потому что в письме от организаторов было написано, что часы не понадобятся, а она привыкла делать то, что написано.

Стопа болела с середины катера — левая, там, где в две тысячи девятом собирали третью плюсневую. Колени в холоде вели себя прилично, а вот стопа отзывалась на любую перемену давления лучше всякого барометра. Алиса поставила её на ребро подошвы и поддержала так. Это не помогало, но было привычно, как привычно трогать языком зуб, который всё равно уже не болит.

Марк рассказывал Лидии Карловне, что купается круглый год, и что в ноябре главное — не задерживаться в воде дольше девяноста секунд. Лидия Карловна ужасалась в нужных местах. Алиса слышала этот рассказ примерно двести раз и знала, что после девяноста секунд будет про сердце, а потом про то, как он в феврале нырял в Финском заливе.

— Все здесь? — спросила Вера Аркадьевна.

Она стояла у камина, не садясь. Серый кардиган, серые брюки, седая стрижка волосок к волоску. Осанка была лучше, чем у Алисы, и Алиса это признала без обиды: Вера Аркадьевна держала спину не потому, что её этому учили, а потому что решила так держать.

— Восемь, — сказала Лидия Карловна. — Я пересчитала.

— Тогда начнём.

Она заговорила, и Алиса поняла всё про неё в первые полторы минуты.

Голос был тёплый и ровный, с небольшими паузами в правильных местах, и на каждую фразу приходилась одна короткая улыбка — не в конце, а чуть раньше конца. Она смотрела по очереди в глаза каждому, по три-четыре секунды, и обходила круг слева направо, ни разу не

сбившись. Всё было хорошо, всё было сделано мастерски, и в этом не было ни одного грамма участия.

Алиса знала эту улыбку изнутри. Она сама держала такую двадцать лет: на поклонах, на встречах со зрителями, в зале у станка, когда стопа болела так, что темнело в глазах, и балетмейстер говорил «ещё восемь», и надо было улыбнуться и сделать восемь. Улыбка не врёт про то, что тебе хорошо. Она врёт про то, что тебе есть до кого-то дело.

— Программа простая, — говорила Вера Аркадьевна. — Она построена на одном правиле, всё остальное — подробности. Правило называется «часы тишины». С двадцати двух до десяти утра в доме не разговаривают.

— Совсем? — спросила Лидия Карловна.

— Совсем. Не шёпотом. Не через дверь. Если вам что-то нужно ночью — жестом или запиской, но лучше ничем.

Лидия Карловна достала из сумки блокнот на пружине и записала. Алиса видела, что она пишет крупно и подчёркивает.

— Двенадцать часов, — сказала Женя Соболев. — Половина суток.

— Половина суток, — согласилась Вера Аркадьевна. — Первую ночь почти все не спят. Это нормально. На третью ночь люди начинают спать так, как не спали двадцать лет.

— А если пожар? — спросил Костя Дрозд.

Он сидел на подлокотнике дивана, потому что все места были заняты, и качал ногой.

— При пожаре кричите, — сказала Вера Аркадьевна.

— Ага. То есть правила отменяются, когда становится по-настоящему.

— Правила и существуют для того, чтобы было понятно, когда стало по-настоящему.

Это была хорошая фраза, и Алиса заметила, что Вера Аркадьевна произнесла её без всякого усилия, как произносят вещи, сказанные до этого триста раз.

— А телефон у вас есть? — спросил Костя. — Не наш. Ваш. Настоящий.

— В кабинете администратора есть спутниковый, — сказала Нина Сергеевна из-за двери. Она стояла в коридоре и, значит, слушала. — Один. Для экстренного.

— А экстренное — это что?

— Это когда я решу, что экстренное.

— Дальше. Индивидуальные сеансы. С каждым по сорок минут, один раз в день, кабинет в конце коридора первого этажа. Расписание я объявлю в конце. Пропускать можно, но тогда пропускайте до конца, а не через день.

— А что мы там делаем? — спросил Костя.

— Разговариваем.

— И всё?

— И всё. Вам покажется, что этого мало, до примерно двадцатой минуты.

— Вера Аркадьевна, — сказал Марк, — вопрос по существу.

Он сидел, откинувшись, и держал стакан с водой на подлокотнике.

— Что я получу к понедельнику? В пунктах. Я привык понимать, за что заплатил.

— Вы получите четыре ночи без телефона и четыре разговора.

— Это не результат, это описание.

— Марк Валерьевич, это единственное, что я могу пообещать честно. Всё остальное будет зависеть от вас.

— Пришлите мне программу по пунктам. Завтра утром.

— У меня нет распечатки.

— Напишите от руки. Я не шучу.

— Хорошо, — сказала Вера Аркадьевна и улыбнулась чуть раньше конца фразы. — Напишу от руки.

Марк был доволен. Он всегда был доволен, когда получал «хорошо» на счёт «три». Алиса посмотрела на его руку на подлокотнике, на широкое обручальное кольцо, которое он не снимал, и стала слушать дальше.

— Третье. Кофе в доме нет.

— Как — нет, — сказал Костя.

— Нет. Ни молотого, ни растворимого, ни в капсулах. Не спрятан — его просто нет. Есть травяной сбор, есть чёрный чай на завтрак, некрепкий.

— Я пью шесть чашек в день.

— Значит, послезавтра у вас будет болеть голова, а в понедельник вы будете чувствовать себя лучше, чем в четверг.

— Или я убью кого-нибудь из вас за банку.

— Это часто говорят на первом вечере, — сказала Вера Аркадьевна.

Лидия Карловна засмеялась и записала.

— Четвёртое, и это важно. Часов в номерах нет. Их не забыли снять, их сняли специально. Время здесь вам не понадобится.

Алиса опустила руку в карман и нащупала пенал.

— Совсем нет? — спросила она.

Это была её первая фраза за вечер, и Вера Аркадьевна повернулась к ней всем корпусом, показывая внимание.

— Совсем. Единственные часы — в холле, у стойки. Если очень нужно, спуститесь и посмотрите.

— И на кухне, — сказала Нина Сергеевна.

Она вошла с подносом, на котором стояли восемь стаканов в подстаканниках и заварочный чайник, поставила поднос на стол у окна и осталась стоять у двери.

— И на кухне, — согласилась Вера Аркадьевна. — Но на кухне вам делать нечего.

— То есть, — сказал Костя, — если мне надо будет узнать, сколько времени, я должен встать, пройти коридор, спуститься по лестнице, дойти до холла, посмотреть на часы и вернуться.

— Да.

— И к этому моменту я уже забуду, зачем спрашивал.

— Да, — сказала Вера Аркадьевна. — Именно.

Алиса посчитала про себя. От номера четыре до лестницы — двенадцать-четырнадцать шагов, она мерила по дороге вниз. Потом двадцать две ступени, она их тоже посчитала, потому что считала ступени всю жизнь.

— А если я захочу купаться в шесть утра? — спросил Марк.

— Купайтесь, — сказала Вера Аркадьевна. — Только молча.

— Вода четыре градуса, — сказала Нина Сергеевна от двери. — И камни в северной части скользкие, там наледь с прошлой недели. Если пойдёте — идите не один.

— Я всегда один.

— Я вас предупредила.

— И последнее. Старое крыло закрыто.

Она сделала полшага в сторону и показала рукой в глубину гостиной. В дальней стене, за пианино, была вторая дверь: двустворчатая, застеклённая матовым стеклом в мелкий переплёт, и на её ручках висела цепь с амбарным замком. За стеклом ничего не было видно, кроме темноты.

— Там переход, — сказала Нина Сергеевна от двери. — Дальше водолечебница и старый корпус.

— Перекрытия в аварийном состоянии, — сказала Вера Аркадьевна. — Это не запрет из программы, это запрет из техники безопасности. Пол в двух местах провален, и там нет света. Туда нельзя никому, включая меня.

— А там интересно? — спросил Костя.

— Там сыро, — сказала Нина Сергеевна.

Все посмотрели на дверь, потому что люди смотрят туда, куда показывают. Потом перестали.

Тимур Асланов пришёл последним и сидел в кресле ближе всех к этой двери. Он посмотрел на цепь вместе со всеми, а потом посмотрел на неё второй раз, когда речь шла уже про чай, и повернулся обратно.

Нина Сергеевна разлила чай. Он пах мятой и чем-то ещё, сладковатым, что Алиса не опознала.

Лидия Карловна перевернула страницу и попросила повторить часы тишины.

— С двадцати двух до десяти, — сказала Вера Аркадьевна.

— А зарядку делать можно?

— Можно.

— Я делаю с музыкой. Музыки не будет, я поняла. Тогда я буду считать вслух. — Лидия Карловна подумала. — Нет. Про себя.

— До десяти утра — про себя, — сказала Вера Аркадьевна.

Алиса смотрела на её руки. Руки были моложе лица и совершенно спокойные: за час Вера Аркадьевна ни разу не поправила волосы, не тронула кардиган, не сцепила и не расцепила пальцы. Так стоят люди, которые давно знают, куда девать руки, потому что им за это платят.

— Теперь имена, — сказала Вера Аркадьевна. — Я знаю их по списку, но список — это не люди. Слева от меня.

Она пошла по кругу. Лидия Карловна сказала, что одиннадцать лет на пенсии и что копила четыре года, и сказала это с удовольствием. Женя Соболев сказала «Женя» и больше ничего. Юлия назвалась и уточнила, что она с Марком Валерьевичем по работе. Костя сказал: «Дрозд, это фамилия». Марк говорил дольше всех и рассказал про холодную воду. Алиса сказала своё имя и что она бывшая балерина, и Вера Аркадьевна сказала: «Почему бывшая?» — и Алиса ответила: «Потому что», и Вера Аркадьевна не стала настаивать, и это было единственное умное, что она сделала за вечер.

Потом дошло до последнего.

— Асланов, — сказал он. — Тимур Рустамович. Анестезиолог.

— Тимур Рустамович, — повторила Вера Аркадьевна.

Она смотрела на него секунды четыре или пять — дольше, чем на остальных, но не намного, — и лицо у неё было такое, как у человека, который держит в руке ключ и не помнит, от какой двери. Потом она чуть подняла брови и отпустила.

— Очень хорошо, — сказала она. — Значит, если что, у нас есть врач.

— Есть, — сказал он.

— Отдыхающий врач, — сказал Марк. — Худший вид.

Засмеялись. Тимур Асланов улыбнулся тоже, вежливо и коротко, и взял свой стакан.

— Расписание сеансов, — сказала Вера Аркадьевна. — Сегодня успею только одного. Начнём в двадцать один ноль-ноль. Тимур Рустамович, вы не против?

— Нет.

— Кабинет в конце коридора, — сказала она. — Я покажу.

Алиса посчитала таблетки в кармане, не вынимая руки. Их было три.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Ужин

Стол был длинный, на двенадцать человек, и их посадили за него всех вместе, хотя можно было накрыть на два.

Столешница новая, светлая, ещё пахнущая лаком. Стулья старые, венские, тёмные, и на спинке того, что достался Жене, белой краской по трафарету стояло «Инв. 41». Над столом висела одна лампа на длинном шнуре, с жестяным абажуром, опущенная низко. Она давала круг света метра в два. Всё, что было дальше, — буфет, вторая печь, дверь на кухню, — стояло в темноте и угадывалось по очертаниям. Лица над столом освещались сверху, и от этого у всех были тени под глазами и провалы над верхней губой.

За окнами было черно. Озеро было слышно. Не плеск и не шум — низкий ровный гул, который то усиливался, то на несколько секунд пропадал совсем; в эти секунды слышно было, как в буфете дрожит стекло.

Женя села так, чтобы стол был у неё слева, а лампа не била в глаза. По правую руку — Юлия Пивоварова, по левую — Лидия Карловна. Оттуда доставало до Гурьева, который сидел в торце, и не надо было поворачивать голову.

Стул между Юлей и Лидией Карловной стоял пустой, с приборами.

— Асланов в бане, — сказала Нина Сергеевна, входя с хлебом. — Просил не ждать.

— Русский человек, — сказал Гурьев. — Первым делом баня.

— Он не русский, — сказала Лидия Карловна. — Он же Рустамович.

— Лидия Карловна, — сказал Костя, — вы прекрасны.

Дарья Мороз внесла суп в супнице и стала разливать по кругу. Ей было лет тридцать, руки красные, фартук завязан дважды. Она разливала аккуратно и слишком медленно, потому что боялась пролить, и от этого пролила — Гурьеву на скатерть, немного.

— Простите, — сказала она. — Простите, Марк Валентинович.

— Валерьевич.

— Простите.

— Ничего. Суп из чего?

— Из корневых. Сельдерей, пастернак, морковь. И тмин.

— Соли нет, — сказал Гурьев, попробовав.

— Соль по программе ограничена, — сказала Вера Аркадьевна.

— Соль, кофе, разговоры. Что ещё?

— Сахар, — сказала Дарья и ушла на кухню быстрее, чем нужно.

Гурьев поставил на стол бутылку.

Он сделал это без объявления, просто вынул её из-под стула, где она, значит, стояла с самого начала, и поставил на середину стола, в круг света. Коньяк, тёмный, с длинным горлом.

— В программе нет алкоголя, — сказала Вера Аркадьевна.

— В программе нет. У меня есть.

Женя смотрела на Веру Аркадьевну и ждала. Ей было интересно, где та проведёт линию.

— Первый вечер, — сказала Вера Аркадьевна. — Со второго я попрошу вас отдать её Нине Сергеевне.

— Договорились, — сказал Гурьев и стал разливать, не спрашивая, кому.

Взяли не все. Костя взял. Лидия Карловна взяла полглотка и сказала, что это исключительно из уважения к вечеру. Женя взяла и не выпила: она держала стакан, потому что человеку с полным стаканом задают меньше вопросов. Юлия отодвинула свой на ширину ладони. Алиса накрыла свой рукой и не убрала руку.

— Вы за руль? — спросил её Костя.

— Я с таблетками.

— С хорошими?

— С обычными.

Костя засмеялся. Алиса Гурьева тоже засмеялась — один раз, коротко, и Женя это отметила, потому что до этого не слышала её смеха ни на причале, ни в холле, ни в гостиной. Гурьев в торце посмотрел на них двоих и продолжил разливать.

— Давайте сделаем одну вещь, — сказала Вера Аркадьевна.

Это был приём, Женя его узнала: когда стол начинает жить сам по себе, ведущий даёт ему задание.

— По кругу, по одной фразе. Не «кто вы», а «чего вы хотите к понедельнику». Одна фраза, без объяснений. Лидия Карловна.

— Я хочу услышать тишину, — сказала Лидия Карловна. — Я живу над «Пятёрочкой».

— Юлия.

— Я хочу выспаться.

— Константин.

— Я хочу дожить до вторника без кофе и не убить никого из вас.

— Евгения.

— Я хочу четыре дня, за которые меня никто не найдёт, — сказала Женя.

— Хорошо, — сказала Вера Аркадьевна, и Женя увидела, что она это записала себе куда-то внутрь.

— Алиса.

Алиса подумала.

— Я хочу перестать считать.

— Что считать?

— Всё.

Вера Аркадьевна кивнула и не стала уточнять второй раз. Женя решила, что за этим стоит поработать позже.

— Марк Валерьевич.

— Я хочу перестать быть должным, — сказал Гурьев.

— Кому?

— Всем, — сказал он и засмеялся, и все засмеялись за ним, потому что он смеялся первым.

Дарья вынесла рыбу — судак, целиком, на длинном блюде, с картофелем и морковью вокруг. Она поставила блюдо и осталась стоять у двери, ожидая приговора.

— Хорошо, — сказала Лидия Карловна.

Дарья кивнула и ушла.

Разговор пошёл по столу сам, и Женя перестала в него вмешиваться и стала слушать. Это была её работа: не спрашивать, пока говорят без тебя.

Юля справа ела ровно и мало и держала блокнот рядом с тарелкой, закрытым.

— Давно вы у него? — спросила Женя тихо.

— Два года.

— Тяжело?

— Нормально.

— Это не ответ.

— Это ответ, — сказала Юля и посмотрела на неё спокойно, и Женя решила подождать до субботы.

— Так, а кто в шестом? — спросил Гурьев в середине рыбы. — Ты? Как гудит?

— Пока не гудит, — сказал Костя. — Я проверял. Приложил ухо к полу и всё.

— Ну, ночью проверишь.

— Я вам скажу честно, Марк Валерьевич, — сказал Костя, — я вас обманул. Я не из доброты поменялся.

— Я догадывался.

— В шестом единственное окно на юго-запад. Из всех восьми. Остальные смотрят на воду, а шестое — на материк, и оттуда видно мачту. Ту самую, с которой бьёт. Там же светится красным на всю ночь и...

Он остановился на середине слова, поднял стакан, посмотрел в него.

— И вид, — сказал он. — Красивый вид. Огонёк. Я романтик.

— Романтик, — сказал Гурьев. — Блогер, который не может без сети. Костя, тебе телефон в конверте лежит. В сейфе. Что тебе даст мачта?

— Ощущение, что мир ещё есть.

— Он и без тебя есть.

— Это и обидно.

Смеялись все, и громче всех Лидия Карловна, которая уронила вилку и сказала «извините». Вера Аркадьевна улыбнулась чуть раньше конца чужой фразы. Стул между Юлей и Лидией Карловной оставался пустым.

— Давайте на три вдоха остановимся, — сказала Вера Аркадьевна. — Просто три вдоха, ничего больше. Стол разогнался.

— Стол ужинает, — сказал Гурьев.

— Три вдоха, Марк Валерьевич.

Костя набрал воздуха демонстративно, на весь объём, и выдохнул со звуком.

— Я почувствовал, — сказал он. — Я почувствовал, что хочу кофе.

— Это нормально.

— Вера Аркадьевна, вы на всё говорите «это нормально».

— Пока это правда, — сказала Вера Аркадьевна.

— В четырнадцатом году сюда линию тянуть хотели, — сказала Нина Сергеевна от буфета. — Не дотянули. Кабель до сих пор в эллинге лежит, на бухте.

— Мне нравится этот дом, — сказал Костя. — Тут всё лежит с четырнадцатого года.

Женя повернулась к Вере Аркадьевне.

— А вы раньше где работали, Вера Аркадьевна? До ретритов.

— В разных местах.

— Это самый короткий ответ за вечер.

— Это самый честный, — сказала Вера Аркадьевна. — Двадцать восемь лет в разных местах. Хотите список — приходите на сеанс.

Женя ей улыбнулась. Ей давали такие ответы примерно двести раз, и она знала, что они означают только одно: список есть.

Лёша Пятков заглянул в столовую, не входя, и сказал Нине Сергеевне через стол:

— Ветер к ночи развернёт на юго-запад. Утром будет валить.

— Сильно?

— Посмотрим утром.

Он ушёл. Никто, кроме Жени и Нины Сергеевны, на него не посмотрел.

К печёным яблокам Гурьев был уже полупьян. Это было видно не по речи — речь у него становилась только лучше, — а по тому, как он держал спину: он выпрямился и начал сидеть красиво.

Женя дождалась паузы.

— Марк Валерьевич, в сентябре вы сказали в интервью, что приехали сюда «переродиться». Ваше слово. От чего конкретно переродиться?

— Вы читали моё интервью?

— Я много чего читала. Вы это сказали, а потом перевели тему на холодную воду.

— Холодная вода — это хорошая тема.

— Это тема для людей, которым нечего сказать.

Стало тихо. Дарья остановилась в дверях кухни с полотенцем в руках.

Гурьев посмотрел на Женю через весь стол, и Женя увидела, что попала, и что он не обиделся, а обрадовался, потому что ему всю жизнь не хватало сопротивления, а тут дали.

Он встал.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда так. В понедельник, перед тем как мы сядем в катер, я сделаю заявление.

— Марк, — сказала Алиса.

— Я сделаю заявление, — повторил он громче. — Здесь. В этой комнате. Всем, кто будет за столом. И потом Евгения Павловна может делать с ним что хочет, я даже буду рад.

— Какое заявление? — спросил Костя.

— В понедельник.

— Нет, ну так не бывает. Так нельзя. Вы или говорите, или не начинайте.

— Я скажу одну вещь, — сказал Гурьев, — которую я двенадцать лет не говорил.

Он поднял стакан, посмотрел в него, поставил обратно и сел. Спину он держал по-прежнему прямо.

— Всё, — сказал он. — Больше ничего. В понедельник.

Женя положила ложку и досчитала до трёх, прежде чем поднять голову. Она приехала за этой фразой. Она не думала, что услышит её в первый вечер, и не была к этому готова, и на секунду ей стало жарко под свитером.

— Двенадцать лет — это хороший срок, — сказала Лидия Карловна в тишину. — За двенадцать лет всё равно уже ничего нельзя доказать.

— Вот и посмотрим, — сказал Гурьев.

Алиса Гурьева смотрела в стол. Кожа у неё стала того же цвета, что салфетка под её рукой. Юлия Пивоварова положила вилку на край тарелки и больше её не взяла — ни к яблокам, ни к чаю.

— Давайте вернёмся к столу, — сказала Вера Аркадьевна. — Здесь и сейчас у нас яблоки.

— Профессионально, — сказала Женя.

— Спасибо.

Дверь из холла открылась, и вошёл Асланов.

Он был распарен, красный, с мокрыми волосами, в свитере на голое тело, и от него в холодную столовую пошёл банный запах — берёзовый и мыльный.

— Простите, — сказал он. — Я не думал, что там так быстро топится.

— Двадцать пять минут девятого, — сказала Нина Сергеевна.

Через открытую на кухню дверь были видны вторые часы в доме. Они показывали двадцать пять минут девятого.

— Я всё пропустил?

— Вы пропустили рыбу, — сказала Лидия Карловна. — Рыба была хорошая.

— Дарья, разогрей, — сказала Нина Сергеевна.

Асланов сел на пустой стул между Юлей и Лидией Карловной, извинился ещё раз, поблагодарил Дарью, когда та принесла тарелку, и взял вилку в левую руку.

Нина Сергеевна, проходя за его спиной, молча переставила ему нож и вилку.

— Спасибо, — сказал он.

— У меня в классе всегда было двое или трое, — сказала Лидия Карловна. — Их в моё время переучивали, и получалось, что они и правой не умеют, и левой уже нельзя. Одна девочка писала снизу вверх, представляете? Тетрадь боком, и снизу вверх.

— Мне повезло, — сказал Асланов. — Меня не переучивали.

— В медицине это, наверно, неудобно.

— Это неудобно только с ножницами.

Он ел быстро и молча, и Женя перестала на него смотреть, потому что за столом было интереснее.

Гурьев начал рассказывать про холодную воду. Костя стал спрашивать Лидию Карловну, сколько ей платили за классное руководство в восемьдесят девятом году, и Лидия Карловна отвечала подробно и с цифрами, а потом сказала, что зато в девяносто первом ей выдали зарплату сгущённой, четырнадцать банок.

— Я бы на вас подписался, — сказал Костя.

— Я знаю, что такое донат, — сказала Лидия Карловна. — Мне племянник объяснял. Это когда тебе дают деньги за то, что ты живёшь.

— Примерно.

— Раньше это называлось иначе.

— Как?

— Никак. Раньше этого не было.

Дарья убирала тарелки, обходя стол по большому кругу, чтобы ни за кем не проходить слишком близко. Когда Гурьев засмеялся громко, она остановилась и подождала, пока он закончит.

Свет мигнул. Два раза, коротко, и выровнялся.

— Это Лёша щиток трогает, — сказала Нина Сергеевна. — Не пугайтесь.

— В двадцать два ноль-ноль — тишина, — сказала Вера Аркадьевна и встала. — До десяти утра. Кому нужно посмотреть время — часы в холле.

Женя вышла в холл посмотреть время.

Часы показывали двадцать сорок.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Сеанс

Кабинет был на первом этаже, между гостиной и кухней. Дверь у него была не такая, как у остальных: узкая, с матовым стеклом в верхней половине. За стеклом горел свет.

Тимур сел на стул в коридоре и стал ждать.

В коридоре было два стула и на стене — плакат про дыхание, новый, глянцевого, с человеком в позе лотоса. Из столовой слышно было, как сдвигают столы и как что-то катится по полу и останавливается. На кухне мыли посуду. Дом был старый и передавал звук честно, без искажения: по коридору можно было понять, что делают в другом конце этажа.

Волосы у него ещё не высохли. Баня оказалась хорошая — тесная, с чугунной печкой, которую топили всерьёз, и с окошком на воду. Он просидел там час, пришёл к ужину в двадцать пять девятого, когда уже разносили компот, и сел на свободное место с краю. За столом много говорили и перебивали друг друга. Это было удобно: можно было есть и слушать.

Телефон он сдал не вместе со всеми. При регистрации он вышел покурить к эллингу и стоял там, пока не начало темнеть; потом принёс аппарат в кабинет отдельно, и Нина Сергеевна отдельно завела на него конверт и отдельно дала расписаться в журнале. Она была недовольна. Она сказала, что это нарушает процедуру, и он согласился, что нарушает.

Из кабинета вышла Лидия Карловна, застёгивая кофту на все пуговицы.

— Очень приятная женщина, — сказала она. — Спрашивает про детство. Я рассказала про детство, ей понравилось.

— Хорошо.

— Вы после меня?

— Да.

— Тогда не буду задерживать. — Она пошла к лестнице и на середине коридора обернулась. — Вы зря не ели суп. Суп был единственное честное, что там подавали.

Он подождал, пока её шаги дойдут до второго этажа, встал и постучал.

Кабинет был маленький и почти пустой. Стол, две лампы, три стула разного происхождения. У стены — медицинский шкаф со стеклянными дверцами, вытертый изнутри и пустой. Радиатор закрашивали столько раз, что рёбра слились в одно.

Вера Аркадьевна сидела не за столом, а сбоку от него, вполоборота, — так, как учат сидеть, чтобы между людьми не стояла мебель. Перед ней лежала папка с распечатками. Сверху — стакан воды, накрытый бумажной салфеткой.

— Тимур Рустамович. — Она повела рукой. — Садитесь, где удобнее.

Он сел на стул, который стоял дальше от лампы.

Часов в кабинете не было. Это, видимо, тоже входило в программу.

— Я обычно начинаю с формального, — сказала она. — Как вы себя чувствуете здесь, в первый вечер?

— Нормально.

— «Нормально» — широкое слово.

— Тепло. Тихо. Кормят.

Она улыбнулась. Улыбка у неё была ровная и держалась ровно столько, сколько нужно.

— У вас в анкете в графе «цель приезда» написано одно слово. «Сон». Обычно пишут абзац.

— Я написал то, что есть.

— Давайте про сон.

— Я не сплю двенадцать лет.

Она подняла глаза от папки.

— Совсем?

— Три часа. Иногда четыре. С перерывами.

— И это ровно двенадцать? Не десять, не пятнадцать?

— Двенадцать.

Она записала. Он видел, как она пишет цифру и обводит её кружком, — цифры она обводила, слова нет.

— Что-то произошло двенадцать лет назад.

— Да.

Она подождала. Он ничего не добавил, и пауза дошла до того места, где становится неловко, и прошла дальше.

— Вы не хотите об этом говорить.

— Не сегодня.

— Хорошо. — Она снова записала. — Это ваше право, и я его не трогаю. Мы здесь никого не тянем за язык. Через четыре дня вы, скорее всего, сами захотите.

— Возможно.

— Вы принимаете что-нибудь?

— Нет.

— Врачи обычно принимают.

— Я знаю, что они принимают. Я не принимаю.

Она посмотрела на него внимательнее, но недолго. У неё была манера смотреть внимательнее в тех местах, где по методичке положено смотреть внимательнее.

— А что вы делаете ночью?

— Читаю. Хожу. Иногда выхожу на улицу.

— Дома или на работе?

— И там, и там.

— То есть вы берёте ночные дежурства.

— Беру.

— Это же замкнутый круг, вы понимаете. Вы не спите — и идёте туда, где не надо спать.

— Понимаю, — сказал он.

Она отметила это как согласие. По методичке согласие тоже надо было отметить.

— Тогда шкала. — Она развернула лист боком, чтобы ему было видно. — От одного до десяти. Один — «всё разваливается», десять — «я справляюсь». Не думайте, отвечайте.

— Восемь.

— Восемь?

— Восемь.

— С тремя часами сна?

— Я справляюсь, — сказал он. — Вопрос был про это.

Она поставила восьмёрку и обвела её кружком.

— Вы живёте один?

— Да.

— Были женаты?

— Нет.

— Есть кто-то, кому вы звоните, когда плохо?

— Нет.

— Это грустный ответ.

— Это короткий ответ.

— Работа. Вы анестезиолог.

— Да.

— Тяжело?

— Нет.

— Совсем не тяжело? — Она чуть наклонила голову. — Я работала с медиками. У вас профессия, где люди выгорают к тридцати пяти.

— Мне тридцать шесть.

— И?

Он подумал, как сказать это короче. Короче не выходило.

— Люди, с которыми я работаю, без меня чувствуют боль. Со мной не чувствуют. Я стою у головы и делаю так, чтобы человека не было там, где ему нельзя быть. Потом возвращаю. Это лучшая работа на свете.

Вера Аркадьевна не сразу ответила. Она отложила ручку — первый раз за двадцать минут.

— Вы сейчас сказали очень красиво.

— Я сказал точно.

Она взяла ручку обратно.

— Хорошо. Тогда следующий блок. — Она перевернула лист. — Он у нас называется «отпускание». Вопрос простой, и вы не торопитесь с ответом. Что вы хотите отпустить за эти четыре дня?

— Не знаю, как это делается.

— Это не делается. Это называется. Достаточно назвать.

— Тогда ничего.

— Так не бывает.

— Бывает.

Она посмотрела на него — теперь по-настоящему, без методички, две секунды, — и он выдержал этот взгляд ровно так, как выдерживал его весь вечер, и ничего в её лице не изменилось.

— Оставим формулировку открытой, — сказала она и поставила галочку на левом поле. Галочек на листе было четыре. Он их видел вверх ногами.

— Можно вопрос? — сказал он.

— Конечно. Это, между прочим, хороший знак.

— Вы давно этим занимаетесь?

— Двадцать шесть лет в профессии. Ретритами — четыре года.

— А до этого?

— До этого всё подряд. Школы, интернаты, санатории, детские лагеря. Я начинала в системе, в самой её середине, и вспоминаю без нежности. — Она сказала это легко, как говорят то, что говорили много раз. — Мы там работали за две ставки и писали отчёты, которые никто не читал.

— Я одно лето работал в лагере.

— Вот видите. — Она кивнула. — Значит, вы знаете, что такое сменный режим.

— Знаю.

— Кем?

— Фельдшером.

— С детьми, значит.

— С детьми.

Она записала — он видел строчку сбоку и вверх ногами, — «опыт работы с детьми, лето», и подчеркнула. Потом повернула руку и посмотрела на часы: циферблат у неё был с внутренней стороны кисти.

Он подождал.

Она подняла голову только через несколько секунд, и в лице у неё было ровно то же, что и в начале: приветливая, гладкая, чужая внимательность. Она смотрела на него так, как

смотрела на Лидию Карловну и как будет смотреть на всех остальных. Она видела перед собой мужчину тридцати шести лет, который плохо спит.

Всё сложилось удачнее, чем он рассчитывал.

— На сегодня достаточно, — сказала Вера Аркадьевна. — Я вам скажу честно, Тимур Рустамович: с вами будет интересно работать. Вы отвечаете коротко, но вы отвечаете. Половина группы будет говорить сорок минут и не скажет ничего.

— Хорошо.

— Домашнее задание. Перед сном три минуты просто сидеть. Не лежать, не думать, не считать. Сидеть.

— Хорошо.

— Давайте сейчас попробуем. Тридцать секунд. Я с вами.

Она выпрямилась, положила руки на колени и стала дышать — глубоко, ровно, четыре на четыре, как в плакате в коридоре. Тимур сидел прямо и смотрел в покрашенный радиатор. Он посчитал её вдохи, потому что считать было привычно; получилось семь. Дыхание у неё было хорошее, поставленное: женщина лет пятидесяти, осанка сохранный, лишнего веса нет. Когда она открыла глаза, он уже смотрел не на неё, а всё туда же.

— Ну вот, — сказала она. — Ничего страшного не произошло.

— Нет.

— И постарайтесь лечь до одиннадцати. Первая ночь всегда тяжёлая, и она задаёт остальные три.

— Постараюсь.

Она закрыла папку и завязала тесёмки. Тесёмки на папке были розовые, аптечные, из тех, что продаются метром.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

В коридоре было темнее, чем час назад: в гостиной уже погасили, и свет шёл только из холла. Он посмотрел на свои часы. Без пяти десять.

Оставалось два дела, и оба были несложные.

Он дошёл до холла. Там на стене висели часы — большие, с гирями, из бывшего пионерского быта, и они шли на четыре минуты вперёд против его собственных. Лестница на второй этаж была прямо под ними, широкая, с вытертой красной дорожкой.

Он не стал подниматься.

Слева от лестницы, за кухонной дверью, стена делала уступ, и в уступе был проход. От холла его не видно: надо стоять почти напротив. Тимур прошёл в него и пошёл дальше, не сбавляя шага. Свет он не искал. Проход был узкий, полтора плеча, с трубами по правой стене, и от труб шло тепло; пахло варёной крупой и мокрой тряпкой. Через шесть шагов пол поднимался на одну ступеньку, и он поднялся.

Справа открылась дверь, и в проход упал жёлтый прямоугольник.

— Ой! — сказала Дарья Мороз.

Она стояла с эмалированным тазом, прижав его к животу. В тазу лежали ножи.

— Извините, — сказал он.

— Вам туда нельзя вообще-то. — Она перехватила таз поудобнее. — Тут служебное. Тут вообще-то я хожу и Лёша.

— Понял.

— И вообще, а вы откуда знаете, что тут проход?

— Видел днём.

— А. — Она подумала над этим полсекунды, не больше. — Ну да, все всё видят. Нина Сергеевна велела занавесить, а нечем занавешивать.

Он ждал, будет ли она стоять и смотреть, как он пойдёт назад.

— Лестница-то вам в холле, — сказала она. — Эта наверх выходит, но она страшная. Перил нету на верхнем.

— Я аккуратно.

— Ну идите, — сказала Дарья. — Только дверь наверху не хлопайте, она хлопает. Тут все спят уже, а которые не спят, те жалуются.

— Не буду.

Она пошла с тазом на кухню, и через секунду там зашумела вода. Дверь она оставила открытой, и жёлтая полоса лежала в проходе, пока он не свернул.

Лестница была крутая, в один поворот, и ступени на ней были деревянные, стёртые серединой. Последний марш шёл без перил, вдоль голой стены. Он поднялся и вышел в коридор второго этажа, между седьмой и восьмой дверью.

В коридоре горела одна лампа, над лестничной площадкой, далеко слева. Свет от неё доходил сюда уже слабым и делал номера на дверях серыми. Все двери были закрыты. Под одной из них лежала полоска света, под остальными нет. Где-то в дальнем конце спускали воду.

Дверь за его спиной он придержал ладонью и опустил тихо. Она не хлопнула.

В номере было холоднее, чем в коридоре. Он повесил куртку на гвоздь, поставил ботинки под стул носками к стене, вынул из сумки полотенце и повесил на спинку. Кровать была узкая, с шерстяным одеялом в бязевом чехле. На столе стоял графин, накрытый стаканом. В шкафу нашлись четыре плечика, все железные, и на одном осталась бумажная бирка с чужой фамилией, выцветшая до нечитаемости.

Он разобрал сумку и сложил всё так, чтобы утром не искать.

Спать он всё равно не собирался.

Он снял часы и положил их на подоконник, циферблатом вверх. Точки на стрелках светились зелёным, слабо, и было видно только их, а не сами стрелки.

За окном шёл дождь, косой и мелкий. Через раму и через стену было слышно, как гудит генератор, — ровно, на одной низкой ноте, без перебоев.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Ночь первая

В десять Лёша погасил в столовой и в гостиной, разгрёб камин кочергой и закрыл поддувало. Дрова там жгли берёзовые, сырые, и от них оставалось много несторевавшего. Он подумал, что надо будет сказать Дарье не подкладывать после девяти, потому что потом всё равно тушить.

Нина Сергеевна сидела в кабинете при настольной лампе и вписывала что-то в журнал.

— Поел? — спросила она, не поднимая головы.

— Поел.

— Ты не поел. Дарья сказала, ты взял хлеб и ушёл.

— Я хлеб с маслом взял.

— Иди на кухню, там в кастрюле осталось. — Она перевернула страницу. — И не грей на большой, там уже выключено.

— Нина Сергеевна.

— Что.

— У седьмого замок надо перевесить. Он не то что не запирается, он открывается сам, если дверью в коридоре хлопнуть.

— Пиши в тетрадку.

— Я написал.

— Значит, будет.

Тетрадка лежала на подоконнике с апреля. В ней было двадцать две записи, и вычеркнуто из них девять, и Лёша сам не помнил, какие из этих девяти сделал он, а какие просто перестали иметь значение.

Родственниками они не были. Нина Сергеевна работала тут сестрой-хозяйкой, когда Лёше было шесть, и знала его деда, и когда «Тишина» стала набирать людей, она позвонила ему сама и сказала: приезжай, будешь при технике. Разговаривала она с ним как с племянником, которого надо кормить и одёргивать, и Лёша это принимал. Когда она была довольна, она говорила «Лёшенька». Когда недовольна — «Алексей». По имени-отчеству она его не называла ни разу, и это его устраивало.

— Лёшенька, — сказала она, не отрываясь от журнала. — Ты хлеб-то с маслом где взял, в столовой?

— На кухне.

— Значит, тот, который на утро.

— Я другой достану.

Сейф стоял в углу, серый, с круглой ручкой, и на нём лежали одиннадцать конвертов, подписанных от руки. Из-под крышки чуть слышно жужжало: у кого-то не выключился телефон, а стоял на вибрации, и в сейфе это отдавалось в железо. Нина Сергеевна на это не реагировала. Она вообще редко реагировала на то, что нельзя исправить сразу.

— Ключи от старого крыла я возьму, — сказал Лёша. — Там в водолечебнице капает.

— Возьми и повесь на место.

— Повешу.

Он сходил на кухню и съел из кастрюли стоя, у окна, потому что садиться было незачем. Потом взял связку, фонарь и ведро и пошёл в переход.

Переход был длинный, стеклянный сверху, и по стеклу шёл дождь. За стеклом ничего не было видно, кроме отражения его собственного фонаря. В старом крыле пахло, как всегда: холодным камнем и хлоркой. Хлоркой там мыли последний раз ещё при лагере, и всё равно пахло.

Он прошёл коридором с плакатами. Плакаты были ростовые, в полный рост ребёнка, и на них дети в трусах и майках делали упражнения по счёту раз-два-три-четыре. Половина отвалилась, половина держалась на канцелярских кнопках. У одного мальчика с левой стороны листа не было лица — там пузырьком отошла краска.

В водолечебнице капало с потолка в углу, где над ним снаружи была ендова. Капало по одной капле в четыре-пять секунд. Лёша поставил ведро под самую сильную и подтолкнул носком ботинка, чтобы попадало в середину: если по стенке — гудит на весь этаж.

Ванны стояли рядами, четыре штуки, чугунные, на львиных лапах, и в одной было воды на два пальца. Он ходил сюда с осени и каждый раз собирался её вылить и каждый раз не выливал, потому что для этого нужен был шланг, а шланг был в эллинге.

Дальше он не пошёл. Дальше был кабинет с бумагами, дверь заперта, и ключ от неё на связке был, но открывать её не было причины.

В генераторную он пришёл в двадцать минут одиннадцатого.

Дизель работал ровно. Лёша послушал его от двери, как слушают всегда — не ухом, а тем местом между лопаток, где отдаётся, — и ничего нового не услышал. Потом промерил бак рейкой. Рейка была своя, самодельная, с зарубками, и солярки по ней выходило на палец выше вчерашнего деления, то есть за сутки ушло примерно как обычно, может, чуть больше: топили баню.

Он записал в журнал: дату, уровень, часы работы. В журнале до него писал дед, только другим карандашом и с другими сокращениями, и первые сорок страниц были дедовы.

В одиннадцать он перекинул рубильник на ночной режим. Гул стал ниже. В номерах и в холле свет ушёл, в коридорах остался — по одной лампе над каждой лестницей, и это было ровно то, что обещали в буклете, только в буклете это называлось «мягкое ночное освещение», а на деле означало, что генератор берёт на четверть меньше и до утра дотянет наверняка.

В подсобке он снял мокрое и включил приёмник.

Подсобка была дедова. Дед служил тут сторожем при санатории, а потом при лагере, тридцать один год, и когда всё закрыли, комнатку почему-то не тронули. Там до сих пор стояла железная койка с сеткой, на гвозде висел ватник, на полке — жестяная коробка от чая, кружка с отбитой эмалью и барометр в деревянном корпусе. Барометр врал на десять миллиметров, и дед знал, на сколько он врёт, и Лёша тоже знал.

Приёмник грелся полминуты. Сначала пошло шипение, потом музыка, потом мужской голос, который читал цифры.

Лёша слушал стоя.

По району прогноз давали до вторника включительно. С утра субботы ветер северо-западный, усиление до восемнадцати, местами до двадцати метров в секунду; волна в открытой части два метра и выше; для маломерных судов выход запрещён. Дальше диктор сказал своими словами, что до вторника лучше не выходить, и назвал ещё раз даты.

Лёша выключил приёмник и постоял.

Считать он начал сразу, потому что считать было что. Катер в такую волну не пойдёт — не потому, что нельзя, а потому, что он один и обратно его никто не вытащит. Продукты Дарья привезла на пять дней с запасом на два. Солярки в баке на четверо суток нормального режима и на шесть — ночного, плюс в эллинге двести литров в бочке, если аккуратно перекачать. Хлеба хватит до понедельника, потом сухари. Гости уезжают во вторник в двенадцать, значит, по расписанию ничего не рухнет вообще, просто нельзя будет вывезти никого раньше и нельзя привезти ничего.

Он подумал, что надо сказать Нине Сергеевне утром. Не сейчас — она к одиннадцати уже ложилась, а разбудишь, всё равно ничего не сделает до света. Утром, за чаем, до того как встанут гости.

Он натянул мокрое обратно и пошёл на улицу.

Ветер стоял ровный, с озера, и в нём была вода — не капли, а вообще вода, взвесь. Лёша дошёл до бани, проверил, что печка закрыта и что выюшка на месте; заглянул в ледник, там висел замок, и замок был его; обошёл башню и попинал крышку колодца, которую с лета собирался прибить.

У эллинга он остановился и посмотрел на воду. Разгонять начнёт часа в четыре, к семи будет прилично. «Заря-2» стояла у настила на двух концах, и носовой был отдан длинновато — днём это было правильно, а к утру нагонит, и катер начнёт тереться о шину скулой. Надо подтянуть.

Он вспомнил, что этого-то он и не сделал, и решил сделать сейчас, но сначала занёс фонарь и связку в корпус, потому что связку надо было повесить на место.

Днём этот в оранжевой куртке, Дрозд, поймал его два раза, пока таскали чемоданы.

Первый раз — на настиле: спросил, есть ли на острове место, где ловит. Лёша сказал, что нет. Тот не поверил и переспросил про камни. Лёша сказал, что на камнях тоже нет, потому что мачта на материке, а между мачтой и камнями остров.

Второй раз — минут через десять, когда Лёша вернулся за остальными сумками. Дрозд ждал его у лестницы, уже без камеры, и спросил нормально, по-делу: с какой стороны корпуса мачту видно.

— С юго-западного угла, — сказал Лёша. — Из шестого окно как раз туда.

— Из шестого. Второй этаж?

— Второй.

Дрозд посмотрел на корпус, посчитал окна пальцем и спросил, не шумно ли там.

— Гудит, — сказал Лёша. — Под шестым генераторная.

— Гудит. — Дрозд подумал секунды две. — Значит, тот, кто там живёт, захочет отсюда уехать.

— Может быть.

— Окей, — сказал Дрозд и понёс сумку сам, хотя Лёша говорил ему не таскать.

Лёша тогда решил, что тот шутит. Гостям почти всё, что он им говорил, казалось смешным.

Он вошёл в корпус с чёрного, через служебный, повесил связку на гвоздь в кабинете — Нина Сергеевна свет уже погасила и ушла, — и пошёл через холл, потому что от кабинета до наружной двери так короче.

Часы в холле показывали половину первого.

На верхней площадке второго этажа кто-то стоял.

Лампа там была одна и висела прямо над площадкой, поэтому свет шёл сверху и вниз, и снизу видно было только силуэт. Рост средний, скорее высокий. Тёмное и длинное — пальто, что ли. Стоял человек лицом к окну на площадке, и окно было приоткрыто на верхнюю щеколду.

Гурьев, значит, вышел покурить в окно.

Лёша не окликнул. После десяти в корпусе не разговаривают — это было главное правило, и его вешали в рамке в каждом коридоре, и гости его нарушали, а он нет. К тому же курить в окно на площадке было не запрещено, потому что запретить это Нина Сергеевна не додумалась.

Он вышел на улицу и придержал дверь, чтобы не била.

Ветер на крыльце взял сразу. Он спустился, обошёл вазоны и пошёл вниз, к воде, по бетонной лестнице, считая ступени по привычке — их было двадцать три, и двенадцатая просела.

Конец он подтянул за минуту: сбросил восьмёрку с кнехта, выбрал полметра, заложил обратно. Катер сел ближе, кранцы легли как надо. Потом он проверил, застёгнут ли тент на носу, и застёгивал две кнопки, которые расстегнулись.

От часов в холле прошло минут семь, может, восемь. Столько это и занимало всегда. Когда он выпрямился, со стороны корпуса мигнуло.

Второй этаж, угловое окно с юго-западной стороны — то, где шестой. Один раз. Короткая белая вспышка, из тех, что бывают от телефона, когда снимают в темноте: свет ушёл наружу и осветил снизу верхнюю раму и мокрое стекло.

Больше не мигало.

Лёша постоял немного и посмотрел ещё, но окно было тёмное.

Значит, пронёс. Он так и думал, что этот пронесёт второй; они почти всегда проносят, и обычно в носке или в подкладке, а один раз, летом, мужик привёз запасной телефон в буханке хлеба. Люди платили большие деньги за то, чтобы у них отобрали связь, и потом всю смену ловили сеть в тех местах, где её нет.

Ловить тут было нечего. Из шестого окна мачту видно, но это ничего не значило: видно её и с воды, а сигнала на острове не было ни разу за два года, кроме одного вечера в июле, когда почему-то встало три деления и держалось двадцать минут.

Докладывать он не стал. Телефоны — не его хозяйство. Его хозяйство — солярка, катер, вода и свет, а конверты, расписки и кто чего пронёс — это Нины Сергеевны, и если ей нужно, пусть сама ходит по номерам и смотрит.

Он застегнул воротник и пошёл к флигелю.

Дождь по дороге переменился. Сначала стал реже, потом тяжелее, и на плече куртки уже не растекался, а лежал. Лёша посмотрел на свет фонаря над флигельной дверью и увидел в нём то, что и ожидал: летело белое, косо, и таяло на бетоне сразу.

Мокрый снег. Значит, к утру нагонит точно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Тишина

Часов у неё не было.

Юля поняла это в номере, когда закрыла за собой дверь и по привычке потянулась к телефону, которого не было уже пять часов. На столе стоял графин. На стене висела рамка с расписанием. Ни цифр, ни стрелок, ни зарядки, ни маленького зелёного огонька — ничего, что показывает время.

Она села на кровать и подумала, что из всей программы это единственное, что действительно работает.

Номер был четвёртый. Она знала коридор наизусть, потому что прошла его дважды: сразу после того, как разнесли вещи, и потом ещё раз, перед сеансами, медленно, будто искала свою дверь.

Коридор шёл по одной стороне: все номера окнами на воду, все двери справа, если идти от лестницы. Напротив дверей была глухая стена. За ней, по схеме из бумаг, которые ей прислали, когда она бронировала всю группу, помещались бельевая, общая ванная и служебная лестница, выходившая между седьмым и восьмым.

Первый, второй, третий, четвёртый — её. Дальше пятый. Дальше коридор доходил до конца и поворачивал направо, и в самом углу, на повороте, был шестой: единственный номер с двумя окнами, одно на озеро, второе на юго-запад, на материк. За поворотом начинались седьмой, восьмой, девятый, десятый.

Ночью в коридоре горела одна лампа — над лестничной площадкой, между четвёртым и пятым. Свет от неё лежал полосой под дверью Юли и до пятого доставал, а дальше уже нет.

Половицы: у пятого одна скрипела, у шестого скрипели три подряд, широко, на весь коридор. У четвёртого не скрипело ничего. Юля проверила это два раза, переступая с носка на пятку, и запомнила.

В пятом жил Марк Валерьевич.

Это вышло случайно и в её пользу. При регистрации ему дали шестой, он услышал, что под ним генераторная, и сказал, что не будет спать в машинном отделении. Блогер согласился поменяться сразу, даже обрадовался, и они обменялись ключами прямо в холле, при всех, и Нина Сергеевна что-то поправила в журнале карандашом. За ужином это обсуждали ещё раз, потому что Марк Валерьевич любил рассказывать, как он всё устроил.

Теперь он спал в двух метрах от неё, за одной стеной.

Юля достала блокнот.

Блокнот был четвёртый. Первые три лежали дома, в коробке от зимних сапог, и в них была всякая ерунда: расписания, телефоны водителей, кто из партнёров с кем не разговаривает, кто пьёт, кто врёт про поездки. Она вела их два года и сама не знала, зачем ведёт, пока в марте не поняла, что уже почти всё знает и остаётся только спросить.

Она открыла на чистой странице и написала сверху: «М. В. — понедельник?»

Потом подумала и поставила рядом «нет».

Понедельник не годился. В понедельник он собирался говорить сам, при журналистке, при камере, и говорить он собирался то, что выбрал; в понедельник он будет уже не человеком, а выступлением. Спрашивать надо до. Лучше всего — в воскресенье, к вечеру, когда он третий день без кофе, без телефона и без людей, которые смотрят.

Она написала: «Вс., после ужина. Один. Не в холле».

Дальше пошёл список. Она писала его не первый раз — она писала его двенадцатый или пятнадцатый раз, за два года, в разных блокнотах, и он каждый раз выходил короче.

«1. Кто вызвал юриста.

2. Кто платил.

3. Отчёт. Чей.

4. Ты был там или тебе рассказали.

5. Кто ещё знал».

Она посмотрела на пятый пункт и добавила к нему: «спрашивать последним».

Потом — правила для себя, тоже старые, тоже переписанные много раз.

«Не перебивать.

Не плакать.

Если начнёт про себя — молчать и ждать. Он не выносит, когда молчат.

Не говорить, кто я, пока не ответит на 5».

Она перечитала и остановилась на последней строке. Потом отвела карандаш к полю и написала одну букву.

«А».

Буква вышла кривая, потому что рука дрогнула. Юля посмотрела на неё три или четыре секунды и зачеркнула — дважды, накрест, а потом ещё раз, пока от буквы не осталось серое пятно с продавленной бумагой. На следующей странице от нажима отпечталось.

Она закрыла блокнот и положила его под матрас, к стене.

Ненавидеть его было легко и совершенно не мешало работать. Она подавала ему кофе два года: без сахара, но с сахарницей рядом, потому что он любил, чтобы был выбор, которым он не пользуется. Он никогда не говорил ей «спасибо», когда они были одни, и всегда говорил «спасибо, Юлия» при посторонних. Он дважды повышал ей зарплату, не спрашивая, и один раз, в апреле, в машине, сказал, что она единственный человек в его окружении, на которого он может рассчитывать. Она ответила, что это приятно слышать. Он не заметил, что это не ответ.

Всё это укладывалось внутри ровно, как посуда в ящик. Двенадцать лет, из них два — рядом с ним. Она не собиралась ничего с ним делать. Она собиралась услышать пять ответов и уехать с ними.

Она готовилась четыре месяца, прежде чем послать резюме. Выучила структуру «Гаранта», выучила фамилии, прочитала все его интервью — их было сорок одно, и в девятнадцати он рассказывал одну и ту же историю про отца и велосипед. На собеседовании кадровичка спросила, где Юля видит себя через пять лет, и Юля ответила, что не думала об этом. Кадровичка отметила это как минус. Марк Валерьевич, который заглянул на две минуты и остался на двадцать, отметил это как плюс и сказал вслух, при всех: вот, наконец человек, который пришёл работать, а не расти.

Фамилия в её паспорте была материнская. Это было законно, давно и никому не интересно, и никто ни разу за два года не спросил.

Свет в номере погас сам, около одиннадцати. Сначала она решила, что перегорела лампа. Потом стало слышно, как за окном изменился гул, стал ниже, и под дверью появилась полоса — коридорная лампа осталась.

Юля легла в темноте, поверх одеяла, не разуваясь. Потом всё-таки разулась, потому что было глупо.

Спать не получалось совсем.

Дом стоял и говорил. Он остывал, и в нём щёлкали трубы — сначала часто, потом всё реже, с большими промежутками, и после каждого щелчка она ждала следующего. Ветер брал в раму и отпускал. Один раз где-то далеко, за поворотом коридора, спустили воду, и было слышно, как бак наполняется четыре минуты. Один раз прошли по коридору — не крадучись, обычным шагом, — и половица скрипнула у пятого.

Она попробовала считать. Досчитала до трёхсот и сбилась, потому что не помнила, зачем считает.

Потом встала, налила из графина полстакана и выпила стоя у двери. Вода была с привкусом железа. Через дверь коридор был слышен весь, до поворота: если бы там кто-то стоял, она бы знала.

Она попыталась сообразить, сколько времени. Свет погас в одиннадцать — это она знала точно, потому что так было написано в рамке с расписанием. Потом она лежала, потом считала, потом лежала опять. Час, может, полтора. Без часов промежутки получались резиновые: одно и то же ожидание можно было назвать десятью минутами и сорока, и проверить было нечем. Она подумала, что за четыре дня разучится определять время совсем, и что это, наверное, тоже входит в стоимость.

Потом — стук.

Один. Глухой, короткий, не громкий, будто уронили книгу. Не хлопнула дверь, не упал стул, не звякнуло стекло. Просто у кого-то из рук выпало что-то нетяжёлое и плоское, и это было слышно через стену или через две.

Юля не пошевелилась.

Она подумала, что кто-то встал в туалет и по дороге снёс что-нибудь с полки. Ходили всю ночь: до этого стучали дверью в дальнем конце и спускали воду, и вообще после десяти в этом коридоре двигались все, кроме, может быть, старушки-учительницы. Правило тишины было такое же, как правило про кофе: его объявили, все покивали, и никто не собирался его выполнять. Она сама, если бы захотела в туалет, тоже пошла бы.

Стука больше не было.

И вот после него началось то, за что люди платили деньги.

Трубы дощёлкали и замолчали. Ветер стал ровным и перестал быть событием. За окном не было ни машины, ни лифта, ни голоса, ни музыки за стеной, ни самолёта в небе; и внутри тоже ничего не было — ни щелчков, ни шагов, ни воды. Юля лежала и слушала эту тишину, и она оказалась не пустой, а плотной, как вата в ушах. В такой тишине очень хорошо слышно собственное сердце, и это единственное, что в ней есть.

Она уснула где-то около четырёх, и последнее, что подумала, было про пятый пункт: что надо всё-таки спросить его вторым, а не последним.

Проснулась она от света, который был неправильный.

За окном стояла белая муть — не туман, а летящий снег, ровный, плотный, и он шёл не сверху, а горизонтально, слева направо, и в нём не видно было ни воды, ни сосен, ни даже флагштока в десяти метрах. Озеро гремело. Оно гремело низко и непрерывно, как гремит поезд в тоннеле, и в этот звук вплеталось шипение, когда очередная волна отходила с камней.

Юля постояла у окна. Рама была двойная, и между стёклами лежали дохлые мухи и вата, и снаружи по внешнему стеклу текло не сверху вниз, а поперёк.

Потом она умылась в общей ванной холодной водой, потому что горячей не было, и оделась во всё, что привезла. Свитер она надела поверх свитера.

В коридоре пахло кашей.

Она спустилась в начале десятого. В холле часы показывали пять минут десятого, и они шли — она специально посмотрела на секундную стрелку.

В столовой были почти все. Лидия Карловна сидела первой у окна и ела с полным одобрением. Вера Аркадьевна пила что-то из большой кружки и держала спину. Женя Соболев курил в форточку, стоя, и Дарья на неё уже не реагировала. Алиса Гурьева сидела перед пустой тарелкой и грела руки о стакан. Тимур Асланов ел кашу и читал рамку с расписанием на стене, как читают в поезде расписание.

До десяти по программе полагалось молчать. Пять человек молчали.

Лидия Карловна дождалась, пока Дарья дойдёт до неё с кастрюлей, и сказала негромко, но так, что слышали все:

— Каша замечательная. Я в жизни не ела такой каши, и я работала в школе.

— Спасибо, — сказала Дарья.

— Это не комплимент, это факт.

Вера Аркадьевна подняла палец и показала им на рамку. Лидия Карловна кивнула и вернулась к каше.

— Даша! — сказал Марк Валерьевич. — Кофе.

— Кофе нет, Марк Валерьевич.

— Я знаю, что нет. Я прошу.

— У меня цикорий есть. — Дарья поставила перед ним кашу. — Он даже похож, если не думать.

— Я не буду это пить.

— Тогда чай.

Он взял чай. Юля села на своё место, третье от него, и налила себе тоже, и никто ничего не сказал, потому что говорить было ещё нельзя.

Женя Соболев закрыла форточку, и в столовой сразу стало слышно озеро.

— Это надолго? — спросила она у Дарьи.

— Не знаю. Лёша знает.

— А где Лёша?

— Внизу, у катера. С шести.

Женя посмотрела в окно, в белое, и села к столу, не сняв куртку.

Нина Сергеевна вошла с чайником, обошла стол и остановилась.

— Кто-нибудь видел Дрозда?

— Блогеры до полудня не живут, — сказал Марк Валерьевич.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Комната шесть

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Девять двадцать

На кухонных часах было девять двадцать.

Нина Сергеевна посмотрела на них, потому что смотрела всегда. Тридцать лет её учили, что время надо знать: когда выдала бельё, когда приняли молоко, когда в последний раз видела человека на ногах. Она знала время даже тогда, когда никто не спрашивал.

Дарья стояла у мойки и мыла посуду в двух тазах, потому что горячую воду давали только к обеду. Она вытерла руку о фартук и показала пальцем в потолок. Разговаривать до десяти было нельзя, и Дарья за две смены научилась объясняться руками.

Нина Сергеевна кивнула и вышла в столовую.

Одиннадцать приборов, восемь съедено. Лидия Карловна допивала чай мелкими глотками и читала книгу, поставив её на сахарницу. Женя Соболев сидела у окна и смотрела на озеро. Тимур Асланов доедал кашу с той аккуратностью, с какой едят люди, привыкшие есть быстро и в неудобных местах.

Место Дрозда было накрыто. Каша в тарелке остыла и взялась сверху.

Нина Сергеевна подошла к Вере Аркадьевне и наклонилась.

— Шестой не спускался.

Вера Аркадьевна ответила тоже тихо, но так, будто говорила с зала:

— Пусть спит. Это часть процесса.

— Девять двадцать.

— До десяти он имеет право.

— Правило одно, — сказала Нина Сергеевна. — Если гость не вышел к завтраку, идёт сотрудник. Не гость.

Вера Аркадьевна улыбнулась и вернулась к своей чашке. Нина Сергеевна пошла в кабинет за ключами.

Керосинку на кухне она зажгла в восемь. Генератор в дневном режиме не держал сразу и бойлер, и плиту, поэтому воду для посуды грели на керосине — так делали при санатории, так делали и теперь. Проходя, она подкрутила фитиль пониже. Пламя стало ровное и синее по краю.

Связка висела в кабинете на гвозде за дверцей шкафа: одиннадцать номерных, кухня, бельевая, ледник, эллинг, генераторная, старое крыло. Гостям ключи выдавали, но почти никто ими не пользовался. Двери здесь были старые, тугие, и люди привыкали просто прикрывать за собой.

Она поднялась по главной лестнице. На верхней ступеньке всегда скрипела правая половина; она наступила на левую, как наступала последние восемнадцать лет.

Коридор второго этажа был длинный и пустой. Дорожка, десять дверей по одной стороне, окна во двор напротив. Лампы горели через одну — дневной режим.

Она постучала в шестой. Подождала. Постучала ещё, громче, чем разрешали правила.

Под полом ровно гудел генератор. В шестом его слышали всегда, из-за этого Гурьев и потребовал переехать.

— Константин, — сказала она в дверь.

Никто не ответил.

Она вставила ключ и повернула. Ключ провернулся вхолостую: заперто не было. Она отметила и это.

Дверь открылась внутрь, тяжело, по ковру.

В номере было тепло и душно, как всегда в шестом. В шестом всегда стояло на два градуса больше, чем в остальных, потому что под ним работал генератор, и зимой сюда селили тех, кто мёрзнет. Шторы были задёрнуты не до конца, и в щель ложилась серая полоса — окно

смотрело на юго-запад, на материк, единственное такое окно в корпусе. Окно было закрыто, и форточка закрыта тоже; она проверила глазами, не подходя.

На спинке стула висели джинсы и оранжевая куртка. На столе стояла кружка с чаем, недопитым на треть, стоял ключ от номера и лежала жвачка. Своё хозяйство — рюкзак, штативы, камеры — Дрозд держал внизу, у камина, и таскал наверх только куртку.

Костя Дрозд лежал на спине.

Одеяло было натянуто до груди и почти не смято. Руки поверх одеяла, вдоль тела. Голова прямо, чуть в сторону окна. Ноги под одеялом лежали ровно, и по одеялу это было видно.

Под головой у него подушки не было. Подушка лежала на полу у кровати, у самой ножки, углом вверх.

Крови не было нигде: ни на белье, ни на полу, ни на стене.

Нина Сергеевна стояла в двух шагах и смотрела на лицо. Она видела спящих тридцать лет — в четырёх санаториях и одном лагере, по восемьдесят человек за смену, и в тихий час обходила палаты сама, потому что нянечкам верить было нельзя. Лицо спящего она знала. Это было не оно.

За тридцать лет она видела мёртвых семь раз. Шесть раз это были старики, и каждый раз потом говорили «отошёл во сне», и каждый раз это было правдой. Один раз — мужчина сорока двух лет в Сестрорецке, сердце, между обедом и процедурами. Ни один из семи не лежал так ровно.

Она подошла и потрогала его руку выше кисти.

Рука была холодная.

Она подумала слово «задохнулся».

Потом подумала: не сам.

На тумбочке лежал лист бумаги, сложенный вдвое, белой стороной кверху. Ровно посередине, будто его положили и подровняли.

Она развернула его, не думая, что нельзя.

Печатный текст, крупно, сверху:

«М. В. Гурьеву»

И ниже, одной строкой:

«Ты помнишь август четырнадцатого?»

Больше на листе не было ничего. Ни подписи, ни числа, ни второй строки.

Нина Сергеевна прочитала два раза. При чём тут Гурьев, если лежит Дрозд.

Она сложила лист как был и положила туда, где он лежал.

Потом вышла и прикрыла за собой дверь.

В коридоре она постояла секунд десять, держась за ручку. Не потому, что ноги не держали. Ноги держали. Она стояла и раскладывала по порядку, что теперь будет.

Сначала надо сказать Вере Аркадьевне, потому что программу ведёт она и отвечает за гостей она. Потом надо будет вызывать катер, а катер сегодня не выйдет — Лёша с вечера говорил про ветер. Значит, будут звонить по спутниковому. Значит, приедут не сегодня.

А потом будет полиция, и будут бумаги, и в бумагах напишут, у кого была связка ключей.

Она пошла вниз.

На кухне она сначала погасила керосинку. Прикрутила фитиль до конца, подождала, пока уйдёт синий язычок, и сняла с неё кастрюлю с водой, потому что вода без огня всё равно ни к чему. Керосинку нельзя оставлять. Это первое, чему её научили в девяносто пятом году, и с тех пор она этого не обсуждала.

Дарья смотрела на неё от мойки.

— Стой здесь, — сказала Нина Сергеевна. — Никуда не ходи.

— Что?

— Стой здесь.

Она вышла в столовую и подошла к Вере Аркадьевне вплотную.

— Вера Аркадьевна. Дрозд умер.

Вера Аркадьевна поставила чашку. Она сделала это аккуратно, на блюдце, без звука, и это было единственное, что она успела сделать правильно.

— Что значит — умер?

— Значит умер. Он в постели. Он холодный.

— Вы уверены?

— Вера Аркадьевна, я работаю с девяносто пятого года.

— Может быть, ему плохо. Может быть, надо...

— Ему не плохо.

За столом стало тихо иначе, чем было до этого. Тишина по правилам была одна, а эта — другая.

Женя Соболев встала первой. Тимур Асланов положил ложку и спросил:

— Дверь была заперта?

— Нет.

— Вы его трогали?

— Руку.

Он кивнул и пошёл к лестнице, не торопясь и не отставая.

Дальше пошло так, как всегда идёт, когда одиннадцать человек узнают что-то одновременно. Вера Аркадьевна встала посередине столовой и сказала, что все остаются здесь, и после этого наверх пошли все.

В коридоре второго этажа стало людно. Женя Соболев дошла до самой двери, встала в проёме и стояла долго, не входя и не выходя, и смотрела так, как смотрят на работу, а не на человека. Лёша поднялся последним из служебной лестницы, посмотрел через её плечо один раз и отошёл к окну.

— Господи, — сказала Лидия Карловна и перекрестилась. Мелко, двумя движениями, как делают те, кто крестится редко и точно. — Господи помилуй. Ему двадцать восемь лет.

Она не стала подходить ближе и не стала спрашивать, отчего. Она спросила другое:

— Окно надо открыть или не надо?

— Не надо, — сказала Нина Сергеевна.

— В комнате очень тепло.

— Не надо ничего трогать, Лидия Карловна.

— Хорошо, — сказала Лидия Карловна и сложила руки.

Алиса Гурьева дошла до порога и остановилась. Она держалась за косяк и не входила. Ей никто не мешал войти. Она просто стояла и смотрела в комнату, а потом отвернулась и стала смотреть в коридор, в другую сторону.

Юля вошла.

Она обошла кровать по дуге, не задев ничего, и остановилась у тумбочки. Взяла лист. Развернула.

— «М. В. Гурьеву», — прочитала она вслух, ровно. — «Ты помнишь август четырнадцатого?»

Никто не спросил, что это значит.

Юля прочитала ещё раз, про себя, губами. Потом положила лист на тумбочку, развёрнутым, и достала из кармана блокнот.

Нина Сергеевна отметила, что она не побледнела. Все побледнели, а она нет.

— Уйдите все из комнаты, — сказала Вера Аркадьевна из коридора. — Пожалуйста. Давайте вниз. Внизу тепло, я всех прошу вниз.

Её не слушали. Дарья, которой велели стоять на кухне, стояла в конце коридора и держалась за стену.

— Я его вчера кормила, — сказала она. — Он два раза добавки просил.

Ей никто не ответил.

Нина Сергеевна пересчитала людей в коридоре. Это была привычка из лагеря: там детей считали после каждого купания, и она считала до конца жизни. Гурьева не было. Гурьев по утрам окунался в бухте и потом ещё стоял на воздухе, чтобы было видно, что он окунался.

Гурьев пришёл последним.

Он был в свитере и с полотенцем на шее, и волосы у него были мокрые: он окунался утром в бухте и рассказывал об этом два дня. Он шёл по коридору быстро, отодвинул рукой Женю Соболя и вошёл.

— Так, — сказал он. — Так.

Он посмотрел на кровать. Постоял. Провёл рукой по лицу сверху вниз, снял с шеи полотенце и держал его в руке.

— Он же вчера... — сказал Гурьев. — Он вчера за ужином ел больше всех.

Потом он увидел тумбочку.

Лист лежал развёрнутый, потому что Юлия его не сложила. Гурьев наклонился к нему, не беря в руки, и прочитал. Читать было недолго: две строки.

Он выпрямился.

Лицо у него стало другое. Не бледное. Оно стало неподвижное и как будто чуть меньше, и полотенце в его руке перестало двигаться.

— Кто это положил, — сказал он.

Он сказал это не вопросом.

— Лист лежал, когда я вошла, — сказала Нина Сергеевна. — На тумбочке. Сложенный.

— Вы его читали.

— Читала.

— Кто ещё?

— Теперь все, — сказала Женя Соболя из дверей.

Гурьев посмотрел на неё, потом на Юлю, потом опять на бумагу.

— Закройте комнату, — сказал он. — Немедленно закройте комнату.

— Мне нужно его осмотреть, — сказал Тимур Асланов. Он стоял у стены, у платяного шкафа, и с той минуты, как вошёл, ничего не трогал. — Я схожу за сумкой и за аптечкой. До этого пусть никто ничего не берёт и не двигает. Ни подушку, ни бумагу, ни посуду.

— Ты врач? — спросил Гурьев.

— Я анестезиолог.

— Это врач?

— Это врач, — сказал Тимур Асланов и вышел.

Люди начали расходиться сами, без Веры Аркадьевны. Сначала Лидия Карловна взяла под руку Дарью и увела её к лестнице, потом ушла Алиса, потом Гурьев — он ушёл, ни на кого не глядя, и полотенце унёс в руке.

— Марк Валерьевич, — сказала Вера Аркадьевна ему в спину. — Нам надо поговорить. Всем.

Он не остановился и не ответил.

Юля дописала что-то в блокнот и вышла последней.

Нина Сергеевна вышла тоже. Она взялась за ручку и потянула дверь на себя, придерживая её, чтобы не хлопнула.

Потом вставила ключ и заперла на два оборота. Замок в шестом ходил туго; она знала, что надо чуть подать дверь плечом, и подала.

Ключ от шестого она сняла со связки и положила в карман фартука.

Связку застегнула на пояс, как всегда.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Врач

Диктофон Женя включила в коридоре, шагов за десять до двери, и больше руку из сумки не вынимала.

Часы в холле, когда она поднималась во второй раз, показывали без десяти десять. Других часов в корпусе не было, кроме кухонных, и Женя за сутки успела возненавидеть это правило — не потому, что ей нужно было время, а потому, что без времени всё превращалось в «примерно».

Полчаса до этого прошли вниз и прошли глупо.

Вера Аркадьевна усадила всех в гостиной у камина и говорила про то, что сейчас важно быть вместе. Дарья Мороз плакала на кухне за закрытой дверью, ровно и без остановки, как течёт кран. Алиса Гурьева сидела в углу дивана, вытянув спину, и держала на коленях чашку, к которой не притронулась. Лидия Карловна сходила наверх за своими очками и вернулась в очках. Гурьев вышел на крыльцо в одном свитере и стоял там семь минут, и Женя видела через стекло, что он не курит и ничего не делает, просто стоит.

Потом Тимур Асланов спустился со своей сумкой, и все встали и пошли наверх второй раз, и Вера Аркадьевна опять сказала, что наверх не надо, и опять пошла со всеми.

Нина Сергеевна отперла шестой заново. Замок пришлось подавать плечом.

В номере было душно, как в поезде. Под полом гудело.

Тимур Асланов вошёл первым и поставил на стол две вещи: свою сумку, чёрную, с молнией во всю длину, и жёлтый пластмассовый ящик с аптечкой, который принесла Нина Сергеевна. Аптечка была казённая, с наклейкой «ФАП» и вписанной от руки датой поверки.

— Лучше бы всем выйти, — сказал он.

Гурьев не вышел.

После этого не вышел никто.

Женя встала в проёме, полкорпуса в комнате, полкорпуса в коридоре. Оттуда было видно и кровать, и лица.

Тимур достал из аптечки перчатки, посмотрел на дату на упаковке, вскрыл, натянул. Резина была старая и рвалась у большого пальца; он взял вторую пару и надел поверх первой.

— Мне нужен свет, — сказал он. — Фонарь есть?

Лёша отдал ему свой, короткий, с резиновым кольцом на корпусе.

Дальше Женя просто смотрела.

Она двадцать лет писала про больницы, лекарства, закупки и суды над врачами, и научилась одному: с первых движений видно, работал человек руками или нет. Тимур Асланов работал руками. Он не суетился и не изображал. Он делал по порядку, и порядок у него был свой, готовый, как у людей, которые в четыре утра заходят в операционную и там уже всё знают наизусть.

Он не стал сдвигать одеяло сразу. Сначала обошёл кровать по свободной стороне, вдоль окна, и постоял, глядя на постель целиком.

— Одеяло так и было?

— Так, — сказала Нина Сергеевна.

— Подушка на полу так и лежала?

— Так.

Он посмотрел на подушку и трогать её не стал.

Потом наклонился и поднял веко большим пальцем, посветив сбоку. Подержал. Отпустил, поднял второе. Он делал это без нажима, как поднимают крышку, которую можно погнуть.

— Держите вы, — сказал он Лёше и отдал фонарь обратно. — Вот так, сбоку. Не в лицо.

Лёша взял и держал.

Тимур взял покойного за нижнюю челюсть, снизу, и попробовал подвинуть. Челюсть не подвинулась. Он попробовал ещё раз, чуть иначе, и оставил.

Потом взял руку у локтя, приподнял и попробовал согнуть. Рука пошла с задержкой, как ходит что-то в густой смазке. Он положил её обратно точно туда, где она была, и поправил кисть.

— Он на что-нибудь жаловался? — спросил Тимур, не оборачиваясь. — Голова, сердце, живот. За вчера.

— Нет, — сказала Нина Сергеевна. — Он вообще ни на что не жаловался. Он снимал.

— Пил за ужином?

— Вино. Два бокала. Он ещё второй бокал показывал на камеру.

— Таблетки какие-нибудь у него были? В сумке, на столе, в ванной?

— Я не смотрела в его вещах.

Тимур посмотрел на стол, на кружку с недопитым чаем, и не взял её.

— Пусть кружка так и стоит, — сказал он.

— Нина Сергеевна. Отопление здесь работает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.